

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

278. ч 2-61
10781 Veselovskii, Aleksandr
Nikolaevich

XIV 144
4

ЗАМѢТКИ

по

ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

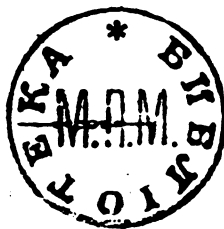
ОР 55.09. 10.7983

Академика А. Н. Веселовскаго.

I

45

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XLV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1883.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 40 коп.

891.809
V5753a
1883a

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

F203-283545

~~2/3~~
~~278.~~

~~XXIV~~

~~144~~
~~4~~

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ЮЖНОЙ ЦАРИЦѢ ВЪ ПАЛЕѢ.

Въ замѣткѣ, напечатанной мною въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1880 г. Апрель (О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ Палеѣ) я указалъ на источникъ одной Соломоновской повѣсти, оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ, когда я собиралъ материалы для моего изслѣдованія: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ (СПБ. 1872). Мнѣ уже не разъ приходилось, и еще придется, обращаться къ вопросамъ тамъ затронутымъ, потому что матеріалъ сравненія далеко не исчерпанъ и новыя данныя открываются постепенно¹⁾, вызывая повѣрку добытыхъ результатовъ. Явившійся недавно сборникъ Эрманна (Aus Palästina und Babylon. Eine Sammlung von Sagen, Legenden, Allegorien etc. aus Talmud und Midrasch, mit sachlichen und sprachlichen An-

¹⁾ О Соломоновскихъ повѣстяхъ въ Румыніи см. интересную замѣтку Gaster'a: *Legende Talmudice și legende Romane*, *Studiu comparativ de Dr. M. Gaster*.

merkungen nebst einer allgemeinen Einleitung über Geist und Form der Agada, von Daniel Ehrmann. Wien, Hölder, 1880) дать мнѣ поводъ для слѣдующаго сообщенія.

Въ разсказѣ русской Пален ¹⁾ царица южская приходитъ къ Соломону и искушаетъ его загадками. Соломонъ разрѣшаетъ ихъ, «она же вельми сему подивися». Тогда начинается преніе въ мудрости между мудрецами той и другой стороны.

1) «Мудреца же ся загонуша хитрецемъ Соломонимъ: *и мамы кладазъ далече града, мудростію своею оуяните, чимъ можемъ привести въ градъ?* — Хитрецы, разумѣвши речь, и реша: *исплетите уже отрублю, а мы привлечемъ кладазъ вашъ во градъ*».

Въ «Сказаніи о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и философѣхъ», на которое я сослался въ моей книгѣ ²⁾ и которое теперь привлеку къ сравненію, ужнице должно быть не отрубное, а *несчаное*. Это — пзвѣстная еще въ древности задача: свить веревку изъ песку; её задаетъ Фараонъ въ русскомъ сказаніи объ Акирѣ Премудромъ. Въ талмудической легендѣ, которую мы приводимъ далѣе, ужнице — *отрубное*.

2) «И паки загонуша мудреци ея: *аще возрастетъ нива ножи, ино чѣмъ ю пожать можете?* — Отвѣщаша и реша пмъ: *рогомъ осмимъ*. — И рѣша мудреци ея: Гдѣ у осла рога? — Ониже рѣша: А где нива родить ножи?» —

Таково содержаніе второй загадки и въ талмудической повѣсти. Иначе въ сказаніи, смѣшавшемъ № 2 съ слѣдующимъ у насъ № 3 и замѣнившимъ первый изъ нихъ такой загадкой: «Царица рече: «А коли нива поростетъ ножи, чѣмъ ю пожать? — Соломонъ рече: Со всего свѣта собрать росу и въ томъ шить рукавицы, тѣмъ ю пожати. — Она-же рече: какъ можетъ въ росѣ рукавицы шить? — Соломонъ же рече: А коли вырастаетъ нива ножи».

¹⁾ Сл. моп Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. стр. 347—350.

²⁾ Славянскія сказанія и т. д. стр. 349.

3) «Заговуша-же и еще», продолжает Палей: *«ище озинется соль, чѣмъ ю можете асолити? — Оииже рѣша: ложе мьски вземше, темъ-же посолитъ. — И реша: Да юмъ мьска родитъ? — Оии-же: да юмъ соль азинивастъ?»* — То-же въ талмудической повѣсти; Сказаніе удержало вопросъ загадки, но разрѣшеніе ея замѣтствовало изъ предыдущаго №: И рече царница: «аще соль изгнѣтъ, то чѣмъ ея пособитъ(?), дабы не изгнѣла? Соломонъ же рече: Рогомъ коневымъ. — Она-же рече: А коли у коня рогъ живетъ? — Соломанъ рече: А коли соль гнѣтъ?».

Этими тремя загадками ограничивается преніе въ мудрости въ указанномъ намъ эпизодѣ Палей; тѣ лишнія, какія встрѣчаются въ Сказаніи, принадлежатъ, быть можетъ, позднѣйшему приращенію; но крайней мѣрѣ онѣ не поддерживаются содержаніемъ талмудической повѣсти, которую я извлекаю изъ книги Эрманна (I. с. стр. 1—14).

Рабби Іозуа бенъ Хананья похвалился однажды передъ римскимъ императоромъ, что еврейскіе мудрецы превосходятъ умомъ и остроуміемъ аонскихъ, которыхъ онъ вызывался побѣдить и всѣхъ доставить въ Римъ. Съ этой цѣлью онъ велитъ, съ согласія императора, снарядить себѣ корабль о 60-ти каютахъ, съ 60-ю сѣдалищами въ каждой, по числу аонскихъ мудрецовъ. Прибывъ въ Аонны, онъ добпрается хитростью до дома, гдѣ засѣдали мудрецы, который запрещено было, подъ страхомъ смерти, указывать иностранцу. Миръ вамъ! произнесъ Іозуа, войдя въ собраніе.

Мудрецы. Чего ты отъ насъ желаешь?

Іозуа. Я — еврейскій мудрецъ, пришелъ у васъ поучиться мудрости.

Мудрецы. Напередъ мы предложимъ тебѣ нѣсколько вопросовъ.

Іозуа. Я согласенъ. Коли вы меня побѣдите, то можете поступить со мною, какъ вамъ заблагоразсудится; коли побѣди-

телемъ останусь я, то я потребую отъ васъ лишь одного: чтобы вы пожаловали къ обѣду на мой корабль, стоящій въ гавани.

Мудрецы. Идетъ! Отвѣтъ-же намъ на слѣдующій вопросъ: Молодой человѣкъ сватается за дѣвушку и получаетъ отказъ; вскорѣ послѣ того сватается за другую, болѣе родовитую, чѣмъ первая. Какъ могъ онъ на то отважиться?

Иозуа взялъ гвоздь, попытался вбить его въ стѣну немного повыше пола, но безуспѣшно; попробовалъ вбить его выше, и гвоздь вошелъ свободно. Впдите-ли, сказалъ онъ: такъ и болѣе родовитая жена болѣе пришлась по юношѣ, чѣмъ менѣе родовитая.

Мудрецы. Одному человѣку дали въ займы денегъ; онъ не выплатилъ долга, а ему еще дали въ займы. Какъ могло это статься?

Иозуа. Нѣкто идетъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, но первая вязанка была ему не по силамъ; тогда онъ дѣлаетъ и другую, и для обѣихъ беретъ носильщика. Такъ часто второй долгъ бываетъ побужденіемъ къ уплатѣ перваго.

Мудрецы. Расскажи намъ что нибудь диковинное.

Иозуа. На жеребенкѣ мьскы (мьска црквнослав. mīla) висѣла надпись, въ которой значилось, что мой отецъ долженъ ему 100000 сусъ.

Мудрецы. Можетъ-ли мьска родить?

Иозуа. Вы-же хотѣли услышать что-нибудь диковинное!

Мудрецы. Когда соль закиетъ, чѣмъ ее осолить?

Иозуа. Зародышемъ мьскы.

Мудрецы. Не бываетъ у мьскы зародыша.

Иозуа. Но и солъ не икетъ.

Мудрецы. Построй намъ домъ на воздухѣ. —

Иозуа призвалъ святое Божье имя и вознесся на воздухъ. Несите мнѣ сюда дерева и кирпичей, закричалъ онъ мудрецамъ. — Это, съ видоизмѣненіемъ, извѣстный эпизодъ русской повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

Мудрецы. Гдѣ средоточіе вселенной.

Иозуа указалъ на первое попавшееся мѣсто и сказалъ: Здѣсь! коли не вѣрите, приважьте и измѣрите.

Мудрецы. *Есть у насъ дворецъ за городомъ, мы желали бы привести его въ городъ.*

Иозуа. *Велите мнѣ свить веревку изъ отрубей, и я приведу его.*

Мудрецы. Сломалась у насъ ручная мельница; заштопай ее намъ.

Иозуа. Вытяните изъ нея нитокъ, и я вамъ заштопаю ее.

Мудрецы. Чѣмъ пожать поле, поросшее серпами?

Иозуа. Ослиными рогами.

Мудрецы. Но у осла нѣтъ роговъ.

Иозуа. И на нивѣ не растутъ серпы.

Привожу еще двѣ слѣдующія загадки о яйцѣ — хотя не надѣюсь освѣтить ими слѣдующую замысловатую подробность Сказанія: «Царьца-же рече: А коли мертвецъ восплачется, чѣмъ его утѣшить, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: Мгляное яйцо дати ему. — Она-же рече: Како можешь во мглѣ яйцо сдѣлать? — Соломанъ рече: А коли мертвецъ плачетъ?» — Аѳинскіе мудрецы предлагаютъ *Иозуа* угадать, какое изъ двухъ яицъ снесено бѣлой, какое черной курицей — на что тотъ отвѣчаетъ такимъ-же вопросомъ: пусть рѣшатъ какой изъ двухъ сыровъ приготовленъ изъ молока бѣлой, какой изъ молока черной коровы. — Вопросъ: когда въ яйцѣ околѣваетъ цыпленокъ, какимъ отверстіемъ выходитъ его душа? — Отвѣтъ: Тѣмъ-же, какимъ вошла.

Аѳинскіе мудрецы принуждены были признать духовное превосходство надъ нами *Иозуа* и принять его приглашеніе. Онъ размѣстилъ ихъ на кораблѣ, по одному въ каютѣ, и такъ какъ въ каждой было 60 сѣдалищъ, то всякій изъ нихъ подпиралъ товарищей. Когда всѣ собрались, корабль тронулся; *Иозуа* взялъ съ собою горсть аѳинской земли и бочку воды, почерпнутой изъ того мѣста въ морѣ, которое поглощаетъ всю остальную воду. — Когда *Иозуа* представилъ мудрецовъ императору въ Римѣ, они

стояли молча, подавленные, пока не посыпали имъ на голову родной земли: тогда они оживились и даже обнаружили строптивое настроеніе духа. Императоръ отдалъ ихъ во власть Іозуа, который приказалъ имъ наполнить водою бочку, куда опущена была капля воды отъ поглощающей морской пучины. Бочка никогда не наполнялась, и мудрецы погибли отъ безконечной, непосильной работы.

Другой мидрашъ объясняетъ отчасти вторую половину предыдущаго: рабби Еліезеръ и рабби Іозуа ѣдутъ океаномъ и достигаютъ мѣста, «куда не текла вода». Мы прибыли сюда для опыта, говорятъ они, наполнили бочку тамошней водою и отправляются въ Римъ. Императоръ Адріанъ спрашиваетъ ихъ: каковы свойства воды океана? Она поглощаетъ всѣ другія, почему океанъ и не наполняется, хотя всѣ рѣки текутъ въ него. Раввины доказываютъ это, смѣшавъ въ кувшинахъ обыкновенную воду съ водою океана, которая и поглощаетъ первую ¹⁾.

Очень вѣроятно, что и въ первомъ мидрашѣ слѣдуетъ поставить Адріана вмѣсто анонимнаго императора. Если такъ, то одни и тѣ-же «вопросы и отвѣты» являются передъ нами въ различномъ историческомъ приуроченіи: то къ Соломону, то къ Адріану, появленіе котораго въ циклѣ русскихъ повѣстей о Соломонѣ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ ²⁾. Что одна изъ загадокъ разобранной нами легенды Пален давно приурочилась къ имени Соломона, доказывается сближеніемъ двухъ сообщаемыхъ далѣе повѣстей, тождественныхъ по общему замыслу (умерщвление всѣхъ стариковъ): изъ нихъ одна рассказываетъ о Соломонѣ, въ другой испытаніе мудрости сводится къ загадочному вопросу, являющемуся и въ рассказѣ Пален.

¹⁾ Wünsche, Bibliotheca rabbinica, 1-e Lief. p. 11. Сл. въ Сказаніи: Аще поплыица море воды, куды потекутъ рѣки? — На небо тещи. — Какъ можетъ вода на небо тещи? — А коли наполнѣица море можетъ?

²⁾ Разысканія V, p. 134—5.

Въ старо-французскомъ фавльѣ, изданномъ Муссафией¹⁾, Соломонъ, qui fu roi de Surie, велитъ умертвить всѣхъ стариковъ въ своемъ царствѣ; приказаніе исполнено, только одинъ сынъ рѣшается спасти жизнь своему отцу, спрятавъ его подъ бочкой. За то среди юныхъ совѣтниковъ царя онъ является мудрейшимъ, потому что слѣдуетъ совѣтамъ и указаніемъ искушеннаго житейскимъ опытомъ старика. Эта мудрость возбуждаетъ сомнѣнія Соломона, онъ хочетъ испытать, откуда она въ юношѣ, и предлагаетъ ему одну изъ тѣхъ мудреныхъ задачъ, которыя дали сюжетъ цѣлой группѣ средне-вѣковыхъ повѣстей и современныхъ народныхъ сказокъ: въ означенный день юноша долженъ привести къ царю своего друга, раба, damoiseau, наконецъ своего смертельнаго врага. По совѣту отца, онъ приводитъ къ Соломону свою собаку, осла, сына и жену, которая и оказывается смертельнымъ врагомъ мужа, ибо подъ впечатлѣніемъ гнѣва, она выдаетъ его тайну: что, вопреки цареву повелѣнію, онъ сохранилъ жизнь своего отца. Но Соломонъ не только не гнѣвается на молодаго человѣка, а и благодаритъ его и возводитъ въ санъ сенешаля.

Въ слѣдующей повѣсти у Pauli, Schimpf und Ernst²⁾ царь не названъ, и мудреная задача сводится къ вопросу, намъ извѣстному: чѣмъ осолпить загнившую соль?

In einer stat waren vil junger Lüt, die wolten das regiment haben, und wolten die alten ratzherren vertreiben, und hetten sie gern alle züdot geschlagen. Da was einer der behielt sein altvatter

¹⁾ Mussafia, Ueber eine altfranzösische Handschrift der k. Universitäts-bibliothek zu Pavia, вѣ Sitzungsberichte der kais. Ak. d. W. Philos. hist. Cl. LXIV B. III II. Jahrg. 1870, März, p. 596 слѣд. Сл. также библиографическія указанія, касающіяся содержанія разсказа. Преданіе о томъ, что существовалъ когда-то обычай убивать стариковъ, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ. Сл. B. Schmidt, Griechische Märchen etc. стр. 26—7.

²⁾ J. Pauli, Schimpf und Ernst, ed. Oesterley № 442; сл. ibid. библиографическія указанія.

in einem dubhusz verborgen. Der künig des lands het die stat auch gern gehebt zû dem land, und wolt ir weiszheit beweren, und schrieb dem rat umb rat, *wie er sein saltz solt behalten, er het ein schatz von saltz, das wolten im die milwen fressen.* Die gûten jungen ratzherren sassen ob der sacht, und wussten im kein antwort wider zûschreiben noch rat zûgeben. Der sagt es seinem vatter da er heim kam. Der vatter sprach, wan du morgen in den rat kumest, so sprich, man sol dem künig schreiben, *er solt das saltz mit mulesels milch besprengen*, so sei es behalten vor den wurmen. Aber das saltz verderbt die wûrm, darum saltz man das fleisch, *man findt auch kein mulesels milch, wan sie sein unfruchtbar*, wan sie sein zû viel heisser natur. Der künig wil ùch nur versûchen. Da sie das in dem rat horten, da sprachen sie, die weiszheit hast du nit von dir selber. Da sprach er, wie er sein vatter verborgen hat. Da erkanten sie das weiszheit noch in den alten wer, und schickten wider nach inen, und gaben inen das regiment widerumb.

Замѣтимъ въ заключеніи, что въ талмудической легендѣ, прототипѣ разсказа Палея о царицѣ Савской и ея загадкахъ Соломону — загадки другія: 1) что такое колодезь изъ дерева, ведро изъ желѣза, черпакъ камня и пьетъ воду? (выдолбленное бревно и черпакъ); 2) прахъ выходитъ изъ земли и пьетъ прахомъ земли, разливается, какъ вода и стремится въ домъ? (нефть); 3) бурный вѣтеръ несется по всѣмъ головамъ, съ громкимъ и жалобнымъ воемъ, наклоняетъ эти головы, какъ тростникъ; честь вельможамъ, униженіе бѣднымъ, краса умершимъ, печаль живымъ, радость птицамъ, горе рыбамъ? (ленъ) ¹⁾.

¹⁾ Марголинъ, Сказанія о Соломонѣ (Памятники древней письменности, вып. III), стр. 40. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Königin von Saba, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXVII B., p. 5: разъясненіе первой загадки иное: Schminkrohr.

II.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПОВѢСТЬ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ И ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ
ВИДѢНІЯ ДАВНІА.

Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ ¹⁾ царь Левъ, по нашему мнѣнію Левъ VI Философъ, посылаетъ въ Вавилонъ «взяти тамо *знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила». Онъ говоритъ посламъ: «Аще обрящете *много* *знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо». Посланные приходятъ въ Вавилонъ, счастливо избѣгнувъ опасности, вошли въ «церковь трехъ святыхъ отроковъ», поклонились имъ и говорятъ, что пришли по цареву повелѣнію «принести отъ васъ къ нему, елико вы позволите дати». Они хотятъ взять кубокъ, стоявшій на гробѣ св. отроковъ и нести его къ царю; но отъ гробницы былъ гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возьмите *знаменіе*». Въ царской палатѣ онѣ находятъ богато украшенный одръ, на немъ два вѣнца царскихъ; «и тутъ-же видѣша *грамоту* лежащу, написану греческимъ языкомъ», въ которой говорилось, что тѣ вѣнцы принадлежали нѣкогда Навуходоносору и его царицѣ, нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ и его супругѣ. — Послы захватили съ собою вѣнцы и грамоту и сердоликовую крабницу съ багрянницею и другія драгоценности и снова вернулись въ церковь св. трехъ отроковъ. Здѣсь имъ снова былъ гласъ: «кое *взяте* *знаменіе* у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ». Прибывъ

¹⁾ А. Веселовскій, Огрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, Славянскій сборникъ, т. II, стр. 122—165; сл. Archiv für Slavische Philologie II, 1. 2.

къ царю, послы вручаютъ ему грамоту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ», а патріархъ вѣнчасть его вѣнцомъ Навуходоносора.

Въ комментаріи, предложенномъ мною на приведенный отрывокъ Вавилонской повѣсти, и остановился, главнымъ образомъ, на вещественномъ значеніи «знаменія»: знаки царскаго достоинства, вѣнцы Навуходоносора, то и другое перенесенное изъ Вавилона въ Византію, выразиши символически перенесеніе царственной власти отъ восточныхъ династовъ къ византійскимъ Императорамъ. — Мнѣ кажется теперь, что нѣкоторые выраженія и подробности Повѣсти позволяютъ извлечь изъ нихъ болѣе, чѣмъ я предполагалъ возможнымъ. Говорится не только о *знаменіи*, но и о *многомъ знаменіи*, который я связываю съ *грамотой*, написанной по гречески и *возвѣщающей* о вѣщахъ, имѣющихъ быть возложенными на имп. Льва и его супругу. Грамота представлялась, такимъ образомъ, такимъ-же *политическимъ* хризмомъ, какъ и приписанные Льву VI и византійскія *Ὁράσεις* Даніила, о которыхъ говоритъ Лютпрандъ: *Habent Graeci et Saraceni libros, quos ὁράσεις sive visiones Danielis vocant, ego autem sybillinos, in quibus scriptum reperitur, quot annos imperator quisque vivat, quae sint futura eo imperante tempora: prae an simultas, secundae Saracenorum res, an adversae.* — Что подъ Даніиломъ могли разумѣть ветхозавѣтнаго пророка, это доказывалось не только существованіемъ отреченнаго Апокалипсиса и Откровеній съ его именемъ, но и показаніемъ русскаго паломника Антонія (1200 г.), тѣмъ болѣе интереснымъ для насъ, что говоря о пророчествахъ, онъ соединяетъ имена Льва VI Мудраго, *ὁ σοφὸς* (Корлѣй, Кор. Лей = *Κύρ Λέων*), и пророка Даніила. Сообщаю напередъ отрывокъ изъ путешествія Антонія по изданію П. Саввантова ¹⁾. Дѣло идетъ о св. Софій: «на странѣ-же

¹⁾ Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Саввантова. (СПб. 1872), стр. 78—9.

дверіи стоить икона велика, а на ней написанъ царь Корѣй о Софосъ, и у него камень драгій въ челѣ, и свѣтитъ въ нощи по свѣтѣи Софѣи. *Той-же царь Корѣй, возмъ грамоту въ гробъ и святого пророка Данила, и переписалъ и философски, кому же быти царемъ во Царьградѣ, дондеже и стоить Царьградъ.* — Послание пресвитера Іоанна помѣщаетъ гробницу пророка Данила въ «пустынномъ Вавилонѣ» (*singulis annis visitamus corpus Sancti Danielis prophetae cum exercitu magno in Babilone deserto*)¹⁾ — и туда-же приурочиваетъ еѣ другой списокъ Пуге-

¹⁾ Характеризуя въ моей статьѣ о Вавилонской повѣсти древнее представленіе о «пустынной, населенной змѣями Вавилоніи», я указалъ на интересное отложениіе его въ народномъ повѣртіи: въ Соловнѣ (Sologne) рассказываютъ, что когда змѣи достигаютъ *семь лѣтъ*, у нихъ отрастаютъ крылья и онѣ улетаютъ — въ Вавилонъ (Слав. сборн. II, стр. 155). — «Если обыкновенная змѣя въ продолженіи ста лѣтъ не увидитъ человека, то обратится въ вишаба (драконъ)», см. Этнограф. очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, въ Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управл. Кавказск. учебн. окр. вып. II, стр. 47 и тамже стр. 107—108: преданіе о горѣ Плавъ-Дарѣ («змѣиная гора»), проклятой Поємъ: съ тѣхъ поръ еѣ населяютъ змѣи и крылатые драконы, являющіеся, черезъ каждые *семь лѣтъ*, на поклонъ къ царю змѣи на Апаратѣ. Cf. Mannhardt. Uebereinstimmungen deutscher und antiker Volksüberlieferung (Zeitschr. f. d. Alterth. XXII, 1878), стр. 17: повѣрье въ Schässburg, въ Седмиградѣ: «im August nach dem Kornschnitt sammeln sich die Krähen in Haufen von vielen Tausenden auf den Feldern und verschwinden dann für einige Wochen. Nur hin und wider sieht man eine zurückgebliebene einsam in den Stopeln umherhüpfen; *aber von den fortgezogenen führt jede zu der Zeit eine Ähre nach dem babylonischen Turm* (F. Müller, Siebenbürgische Sagen, s. 137, 177). Die Aufklärung für diese merkwürdige Vorstellung finde ich in einer Superstition aus der Sologne: die Cocadrille, ein aus dem Ei des Hahnes ausgebrüteter Basilisk, bekommt im siebenten Jahre Flügel und nimmt dann ihren mächtigen Flug *nach dem babylonischen Turm*, dem unreinen Wohnsitz aller weltverwüstenden Ugeheuer (Laisnel de la Salle, Croyances et légendes du centre de la France. Paris 1873, I, 200). Es ist dies eine Combination auf Grund der Weissagung des Esaias

шествія Антонія, изданный И. И. Срезневским¹⁾ и представляющій болѣе подробностей въ интересующемъ насъ эпизодѣ: «По сторонѣ же раискихъ дверей горѣ икона велика, а на ней написанъ Кор' Лен о Софонѣ, а у него камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ ночь во св. Софен. Мы-же вопросихомъ что ради сего написанъ, и церковници повѣдаша намъ, яко тоя царь Кор' Лен *взявъ грамоту Вавилонъ во гробъ у св. пророка Данила* и о собѣ содержа; по смерти же его по многѣхъ лѣтѣхъ *принесена бысть въ Цариградъ* и приведена бысть отъ философъ на греческій языкъ. Написано бысть имена въ ней царей Греческихъ, кому царемъ быти дондеже стоятъ Цариградъ».

Эти показанія Антонія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ чертамъ: Императоръ Левъ Философъ взялъ — или послалъ взять (сл. «принесена бысть въ Царьградъ») въ Вавилонѣ, въ гробницѣ пророка Данила, грамоту, которую либо самъ истолковалъ («переписалъ») философски, либо перевелъ позднѣе философы на греческій языкъ. Въ ней были написаны имена будущихъ царей, кому быть царемъ, пока стоятъ Царьградъ.

Таково въ сущности содержаніе и того эпизода русской Повѣсти о Вавилонѣ, который я называлъ: Посланіемъ византийскаго императора Льва въ Вавилонъ. Къ грамотѣ, къ «глаголу знаменія» присоединилось еще и вещественное перенесеніе регалий; гробница пророка Данила замѣнена гробницей св. трехъ отроковъ, связанныхъ съ прор. Данииломъ уже въ библейскомъ

über Babylon XIII, 21»; слѣдуетъ, разумѣется, признать посредство средневѣковыхъ представленій о пустынномъ Вавилонѣ. См. еще Sébillot, Traditions et superstitions de la haute-Bretagne, t. II, p. 218: A une certaine époque, ou quand ils ont fini leur vie (?), tous les reptiles vont à Babylone; ils montent dans la grande tour.... et quand la cloche sonne, ils retombent dans un trou.... Quand les serpents n'ont pas vu de monde pendant sept ans, ils allongent comme des pieds de maré (houe); c'est à ce moment qu'ils vont à la tour».

¹⁾ И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № IX, стр. 343—4: Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Царьграда въ XII в.

разсказѣ. Какъ объяснить эту замѣну — я не знаю; по свидѣтельству Кодина мощи пророка Даниїла были положены царицей Еленой въ церкви св. Романа, сооруженной ею близъ Романовыхъ вратъ ¹⁾).

Такъ или иначе — разсказъ Антонія нельзя отдѣлять отъ посланія Льва въ русской Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это дастъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовала въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланіемъ* русской повѣсти; 2) что *посланіе* это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которыхъ знаменательно чередовались имена Даниїла и Льва Мудраго.

Для литературной исторіи вавилонской повѣсти не безынтересенъ тотъ фактъ, что ея баснословные мотивы проникли — въ отреченное житіе свв. Кирика и Улиты, какъ такимъ-же образомъ Акиръ Премудрый славянской повѣсти — въ чудо св. Николая. Кирикъ и мать его Улита жили при Александрѣ и Максиміанѣ, говоритъ житіе, встрѣтившееся мнѣ въ сборникѣ г. Сырку; въ Тарсѣ первый подвергается ихъ различнымъ мукамъ; при видѣ одной изъ нихъ — ихъ собираются ввергнуть въ котелъ съ кипящею смолою, масломъ, воскомъ, — Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ еѣ напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «отъ пещи» Ананія, Азарія и Мисаїла и пророка Даниїла изъ львиного рва ²⁾. — Что слѣдуетъ далѣе, переноситъ насъ къ чертамъ Вавилонской повѣсти. «Не вѣсы ли, мѣи моѣ, сѣга Маѣмніанъ црѣ повелѣ наю вѣложити въ корабль и сточитъ наю ѿ свое земли? Беху бо тамо зверіе мнози, не мо-

¹⁾ Саввантовъ, I. с. прим. 165 на стр. 135.

²⁾ Въ житіи свв. Кирика и Улиты, помѣщенномъ въ Acta Sanctorum, (Junii IV, подъ 16 числомъ, стр. 27) сынъ также ободряетъ мать напоминаніемъ Божьей помощи: примѣры: три отрока въ пещи, Сусанна, Даниїль во рвѣ львиномъ. — Слѣдующаго въ славянскомъ текстѣ эпизода нѣтъ.

жеть ѣзыкъ члѣвъ нѣ и счастѣ, и ѣхиднѣ асипдѣ; бже бо тѣ змѣи
великѣ, аспашъ ѣго досезаше до оустъ ѣго и посрѣ ѣго блато
абыстоаше мноуюющѣ .лѣ. днѣ. И гризеше травѣ и трѣстѣ,
и хотѣхоу наю пожрѣти зверѣ тѣи, нѣ Бѣ еісе наю, и пзбави на
оу звѣрп лютыѣ. Не вѣси ли мѣи моа: егда прѣдоховѣ къ *вавилону*
градоу, и асбрѣтоховѣ ѣго пуста, и бѣху тѣ зверѣ мнози, и нѣ
едѣи къ намѣ не прикоснуса? Не вѣси ли мѣи моа ѣко егда
прѣдоховѣ на рѣцѣ мадиамъли, та бо ѣ рѣка исходеце оу безднѣ
и с пекломѣ течеть рѣзмесь, тоу же реку не можетъ нѣ едѣи
члѣвъ прѣйти, нѣ божѣмѣ повелѣніемѣ въ сѣ прѣходѣти, и тогда
прѣдутъ вѣси зверѣ, темѣ же ѣ камень зелѣль, — а ми прѣидо-
ховѣ въ днѣ четвртѣ повелѣніемѣ бжѣмѣ?»

Образъ пустаго, населеннаго чудовищами Вавлона ясно напоминаетъ содержаніе повѣсти. Образу вниманіе лишь на одну подробность: на переходъ черезъ рѣку, къ которой, въ урочное время (въ субботу), собираются звѣри, потому что только въ этотъ день она проходима; у тѣхъ звѣрей какой-то, очевидно чудодѣйственный, камень *зелель*. Я указываю, въ параллель, на чудесное быліе Вавилонской Повѣсти и Аполлонія Генриха von Neustadt; вспомнимъ кстати, что въ нѣмецкой поэмѣ Лотіи, возвращаясь изъ пустыннаго Вавилона, принужденъ перебраться черезъ рѣку и дѣлаетъ это при помощи своихъ перстней, подкрѣпивъ себя и коня зельемъ, которымъ снабдилъ его властитель звѣрей, баснословный Milgot.

III.

БЪ СКАЗАНІЮ О ПРЕНІИ ЖИДОВЪ СЪ ХРИСТІАНАМИ.

Разбирая сказаніе о двѣнадцати пятнадцатъ элевосіевско редакція, я подробно разсмотрѣлъ мотивъ пренія, нашедші выраженіе то въ формахъ мистической легенды, то въ веселѣ

новеллѣ, распространенной на западѣ и у насъ ¹⁾. Въ послѣдней препирающемся являются: еврей и бродяга Freiheit (Disputatz Розенблюма), либо жидовскій философъ и екоморохъ (русская повѣсть), или: магометанинъ и христіанскій священникъ, монахъ (Сорокъ визирей). Я остановился съ умысломъ на тѣхъ пересказахъ, гдѣ споръ ведется между представителями двухъ религій — и рѣшается въ пользу той или другой, смотря по вѣроповѣданію рассказчика: у магометанъ побѣждаетъ магометанинъ, у насъ побѣжденнымъ является еврей. — Споръ ведется знаками, значеніе которыхъ каждый изъ спорщиковъ понимаетъ различно; отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній, тѣмъ не менѣе приводящихъ къ торжеству праваго дѣла. У Розенблюма Еврей поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, выражая тѣмъ,

wie ein gerechter weg nur sei;

Freiheit отвѣчаетъ ему, поднявъ два пальца, которые еврей толкуетъ такъ, что его противникъ указалъ ему на два пути,

und wie sie bed auch gerecht sein,
der ein zu freud, der ander zu pein,
das ist gen himmel und gen hell.

У Аккурсія греческій мудрецъ препирается съ придурковатымъ Римляниномъ (stultus): Graecus sapiens nutu disputans coepit et elevavit unum digitum, unum deum significans; stultus credens. quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter euenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit quod Trinitatem

¹⁾ Сл. мои Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды, II, vi: Freiheit — Элеверій. Къ тексту Элеверіевской легенды, изданной мною по парижскому списку, стр. 124—5, см. замѣчанія о. Мартынова въ Памятникахъ древней Письменности, вып. III, стр. 32. — Старославянский рассказъ, отвѣчающій глоссѣ Аккурсія (Опытъ I. с. стр. 97—98), изданъ недавно Gering'омъ, Islendzk Aeventyri, I, стр. 239—244: Af rómverska dáránun.

ostenderet. На самомъ дѣлѣ Freiheit понялъ, что, поднявъ палецъ, Еврей угрожалъ ему выколоть глазъ — онъ и посулилъ ему выколоть *оба*. Такъ и въ одномъ варьянтѣ русской повѣсти: «і паки став Тараска жидовинъ, единъ перстъ устави скомороху; і помысливъ скоморохъ: то ми хоцетъ глас выколот — п скоморох ему два перста устави: аз тебѣ два глаза выколю». — Что разумѣлъ подъ тѣми знаками жидовинъ, изъ разсказа не видно. — Новую подробность приносятъ другой варьянтъ: скоморохъ — *кривъ*; «жидовинъ Тараска устави на него одинъ перстъ и помысли: «Богъ единъ сотвори чловѣка единого Адама», а скоморохъ помысли, «что де азъ кривъ п онъ хоцетъ п другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перста и мысляше: «Я де тебѣ п оба выколю». Тараска же мысляше: «Азъ де загадалъ, что Богъ сотвори Адама, а онъ де казалъ: той-же сотвори п Евву». И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ». — Замѣтимъ, что въ одной западной новеллѣ, приведенной Регисомъ, точно также спорятъ испанскій посолъ при дворѣ Якова I англійскаго и *кривой* мясникъ пзъ Абердина, усматривающій въ пальцѣ, поднятомъ противникомъ, желаніе поглотиться надъ его тѣлеснымъ недостаткомъ.

Откуда взялась черта нашей повѣсти, что христіанскій скоморохъ, побѣждающій жидовина, представляется *кривымъ*?

Намъ придется по этому поводу познакомиться съ особой повѣстью о «преніи» христіанъ съ невѣрными, распространенною въ западныхъ и греко-славянскихъ пересказахъ ¹⁾.

¹⁾ Къ бібліографіи см. Schimpf und Ernst von Johannes Pauli, hrsg. v. H. Oesterley, p. 378—80. № 683-й. Издатель указываетъ въ примѣчаніяхъ на существованіе того-же разсказа въ другихъ памятникахъ: Herolt, Sermones discipuli de tempore et de sanctis et Promptuarium exemplorum (Nuremb. 1486), f. 6 (Vincentius Bellovacensis, Spec. historiale, Duaci 1624, f. 1225); Bernardinus de Bustis, Rosarium sermonum, Hagen, 1503, I, 98, Z (Marco Nic. Polo); Speculum exemplorum, Daventr. 1481, 9, 145; ed. Major, Duaci, 1611, 422; Geiler, Das Evangelii buch, Strasz. 1515, f. 70^b, sign. Mij verso; id. Evangelia, Strasz. 1522, f. 73^b, sign. N verso.

I.

Марко Поло¹⁾ рассказываетъ о чудѣ, приключившемся между *Багдадомъ* (Baudas) и *Мосуломъ*. Какой-то багдадскій калпъ денно и нощно думалъ съ приближенными ему духовными лицами, какъ — либо пзвести подвластныхъ ему христіанъ, либо обратитъ ихъ въ исламъ. Въ св. Писаніи они открыли изреченіе, что если у христіанина есть вѣра хотя-бы съ горчичное зерно, и онъ велитъ сдвинуться горѣ, она сдвинется (Мат. XXI, в. 21—22; XVII, в. 19—20). Христіане, созванные калпомъ, подтвердили истинность этихъ словъ, и калпъ, не сомнѣваясь, что между ними найдется потребное количество вѣры, предлагаетъ имъ на выборъ: либо сдвинуть ту гору, либо принять исламъ или умереть. Сроку на размышленіе дано десять дней. Восемь дней и восемь ночей молятся, собравшись вкупѣ, христіане; наконецъ Господень ангелъ открылъ нѣкому благочестивому епископу: пусть обратятся къ такому-то *одноглазому башмачнику* (*chabitier, zabater = savetier*; въ текстѣ, изданномъ Географическимъ Обществомъ, онъ названъ и *scalandur = Kalandar* по догадкѣ Юля) и попросятъ его помолиться; Господь, за его святую жизнь, услышитъ его моленіе. Тотъ башмачникъ жилъ въ праведности и чистотѣ, постясь и воздерживаясь отъ грѣха, ежедневно ходя къ обѣднѣ и отдавая Господу часть своихъ заработковъ. А глаза онъ лишился такимъ образомъ однажды какая-то женщина пришла къ нему заказать баш-

Далеко не всѣ эти тексты были у меня подъ руками. Обычной любезности Рейнгольда Кёлера я обязанъ указаніемъ на Pauthier, *Livre de Marco Polo* (р. I, р. 52 слѣд. и прим. на р. 57) и извлеченіямъ изъ *Rosarium sermonum*, *Speculum Exemplorum* и *Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon*, publ. pour la Société de l'histoire de France par A. Lecoq de la Marche, Paris 1877, р. 282, № 332.

¹⁾ Yule, *The book of ser Marco Polo*, I, р. 65 слѣд. (I. I с. VII—X); сл. ib. р. CXLIX—CI. (эпизодъ изъ Baudouin de Sebourg); Pauthier, *Le livre de Marco Polo*, I, р. XXV—XXVIII. Сл. I viaggi di Marco Polo, ed. Adolfo Bartoli, Appendice, ch. XXVII—XXX.

маки и показала ногу, чтобы снять мѣрку. А нога и лядвіи у ней были красивыя; и башмачникъ ощутилъ въ себѣ грѣховныя помыслы. Слышалъ онъ часто слова св. Евангелія: если око твое соблазнитъ тя, изми его и верзи отъ себя, а не грѣши (Матт. XVIII, в. 9; V, в. 28, 29). И вотъ, какъ только та женщина вышла отъ него, онъ взялъ шило, которымъ работалъ, и выкололъ себѣ глазъ. Такъ-то онъ сталъ одноглазымъ.

Нѣсколько разъ было епископу видѣніе о башмачникѣ, который, узнавъ о возлагаемыхъ на него надеждахъ, объявляетъ себя недостойнымъ, но уступаетъ общимъ просьбамъ. Въ назначенный день сто тысячъ христіанъ, отстоявъ обѣдню, идутъ процессіей, съ распятіемъ во главѣ, въ долину, за которой возвышалась гора и гдѣ ожидалъ ихъ калифъ съ вооруженными Сарацинами, готовыми истребить ихъ, еслибъ не совершилось чудо. Но оно совершается, по молитвѣ башмачника, къ ужасу Сарацинъ, большая часть которыхъ принимаетъ христіанство; калифъ также крестится тайно, по его смерти на немъ нашли шейный крестъ, почему и погребли его отдѣльно отъ другихъ калифовъ.

Нѣкоторые латинскіе тексты путешествія Marco Polo приурочиваютъ чудо къ *Tauriscy*; *Rosarium Sermonum predicabilium* (Pars prima, fol. XCVIII^a) начинается свой пересказъ легенды указаніемъ на города *Baldac* и *Taurisium*, гдѣ жили подвластные невѣрнымъ христіане. Дѣйствующія лица легенды: Калифъ и «quidam christianus simplex et idiota, sed veracem fidem habens», въ простотѣ сердца допрашивающій епископовъ, точно-ли Христосъ сказалъ слова, на которые сослался калифъ. Получивъ увѣреніе, онъ идетъ со всіми къ горѣ и «cum martello montem percussit, dicens: O mons, precipio tibi in nomine domini nostri Jesu Christi et in virtute fidei christianae, ut proicias te in mare. — Ничего не сказано о томъ, что онъ башмачникъ и одноглазъ, и о причинѣ этого недостатка. Въ концѣ помѣчено: Et hoc miraculum retulit Marcus Nicolai polo (sic) venetus de visu, qui tunc erat in partibus illis (?).

По разсказу одного эмсіонера XVI вѣка чудо съ горою (Manhuc) совершилось между *Таарисомъ* и *Накивианомъ* ¹⁾.

Въ *Speculum exemplorum* (*Distinctio nona, Exemplum CXLV*) мѣстность не названа; годъ, хотя и ошибочный (*Anno domini CXXV*), указываетъ, быть можетъ, на текстъ *Marco Polo* у *Рамузія*, гдѣ чудо отнесено къ 1225 году (*CXXV* вм. *MCCXXV?*); *Caliphus rex Tartarorum* даетъ христіанамъ десятидневный срокъ, спасителемъ является *sutor monoculus*. Подробности о женщинѣ нѣтъ.

Yule предполагаетъ, что соответствующій эпизодъ *Baudouin de Sebourg*, старо-французскаго романа XIV вѣка, обличаетъ знакомство его автора съ *Marco Polo* и, между прочимъ, съ легендой о чудѣ. Замѣтимъ, однако, что въ романѣ пересказъ чуда представляетъ отмыны, сближающія его съ редакціей *Johannes Pauli* и *Geiler'a*, а это указываетъ на какой нибудь общій источникъ, можетъ быть параллельный съ *Marco Polo*.

Baudouin, разбитый бурей въ Индѣйскомъ морѣ, выброшенъ на берегъ въ странѣ Багдадской (*Baudas*), у города *Falise* на рѣкѣ *Baudas*, жители котораго

.... ne creoient Dieu, ne Mahon, ne Terragant,
Ydole, cruchefis, diable ne tirant.

Въ самомъ городѣ *Baudas* = Багдадѣ жило около ста чело-вѣкъ христіанъ, платившіе Калифу за право существованія. — Я опускаю нѣсколько приключеній *Baudouin*, чтобы перейти къ слѣдующему: *Baudouin* заболѣлъ и принужденъ продать своего коня и оружіе; болѣзнь его на столько злокачественна, что его выгоняютъ изъ дому; сидя на камнѣ онъ продолжаетъ исповѣдывать Христову вѣру, говоритъ, что еще мало взыскавъ былъ за свои прегрѣшенія и не ропщетъ, когда въ христіанскомъ кварталѣ никто не подастъ ему милостыни.

¹⁾ *Yule*, l. c. съ ссылкой на *Gravina, Christianità nel' Armenia etc. Roma, 1605, p. 91.*

Ensement Bauduins chelle rue cherqua
 Tant qu'à un *charetier* Bauduins s'arresta
 Qui chavates cousoit; son pain en gaaigna,
 Jones fu et plaisans, apertement ouvra;
 Boudouins le regarde, c'onques mot ne parla.

Милосердый башмачникъ подасть ему хлѣба, пару башмаковъ и сѣрый плащъ, не по росту короткій; онъ предлагаетъ Бодуэну *выучить его своему ремеслу*, но тотъ, какъ рыцарь, горделиво отказывается. — Слѣдуетъ за тѣмъ знакомое намъ объявление Калифа, наущеннаго старымъ Сарацниномъ, знавшимъ тридцать языковъ, между прочимъ еврейскій и латинскій: христіанамъ предлагаютъ двинуть своими молитвами гору Thir въ долину *Joachim*. Невѣдомый голосъ указываетъ имъ на святаго челоуѣка, живущаго у башмачника, и Бодуэнъ совершаетъ чудо. Калифъ крестится, уступаетъ свое царство Бодуэну, а тотъ — башмачнику.

За сообщеннымъ эпизодомъ старофранцузскаго романа я предполагаю существованіе слѣдующей схемы: Бодуэнъ выброшенъ бурей на берегъ, пріютился у башмачника, учится его ремеслу, и, ставъ его наслѣдникомъ, совершаетъ знакомое намъ чудо. Такова схема легенды у Johannes Pauli; новымъ является отождествленіе башмачника чуда съ башмачникомъ легенды объ ап. Маркѣ, встрѣчающейся отдѣльно, напр. въ *Speculum Historiale* Випценціи изъ Бовъ¹⁾. Внесеніе ап. Марка стоитъ въ связи

¹⁾ Spec. historiale, l. X, c. LVII (De gestis sancti Marci evangeliste):... cum.... autem venisset Alexandriam, mox ut urbem ingressus est, calciamentum ejus disruptum est, quod ipse intelligens ait: Vere iter meum expeditum est. Quendam vero conspiciens qui suere vetera solitus erat, calciamentum tradidit corrigendum. Quod cum faceret, sinistram manum vulneravit et exclamavit: Unus Deus! Audiens Marcus quod ille dixerat Unus Deus, ait inter se gaudens: Prosperum fecit Deus iter meum. Et expuens in terram unxit manum viri dicens: In nomine Ihesu Christi fili dei! Et confestim sanata est manus ejus. — По его просьбѣ апостолъ

съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія изъ Багдада въ Александрію; у Гейлера въ его *Evangelibuch* (ed. Oesterley), при часто буквальномъ тождествѣ разсказа, отлчче то, что дѣйствующимъ лицомъ является не Kaiser, а какой-то «*König von Babilon*», т. е., несомнѣнно, Капра ¹⁾.

Вотъ разсказъ Pauli.

Богатый купецъ, по имени Аманъ (Amanus), терпятъ кораблекрушеніе, направляясь въ Александрію, куда является ищущимъ. Онъ поступаетъ въ обученіе къ одному башмачнику, платавшему старую обувь, по смерти котораго самъ становится мастеромъ. «*Es fügt sich das sant Marx der ewangelist dar kam, und was im ein bletz von einem schüh gebrochen, den wolt er wider lassen machen, und kam zû disem Amano, der setzt in im wider uff, und sant Marx lag uff dem laden und lûgt im zû. Amanus sahe in als an, und dunckt in wie etwas götlichs usz seinem angesicht gieng, und uber sahe es, und stach sich mit der alen durch ein hand, und fieng an zû schreien und sprach. O ewiger Got wie ist mir so we. Sant Marx salbt im die wunden mit speichlet, da was er gleich gesunt, also predigt er im, und taufft in, und underwisz in in dem cristen glauben und liesz im sein evangelienbûch. Sant Marx zohe hinweg, diser Amanus nam fast zû, und macht vil cristen, und thet grose wunderzeichen. Es fügt sich das iuden zû Babiloni die cristen gern hetten vertriben und umbracht, und kamen zû dem Keiser und sprachen. Her, ir haben ein berg da an dem ort, den hetten ir gern hinweg, berüffen dy cristen, und sagen inen, das sie dem berg gebieten, das er hinweg gang, oder ir wöllen sie lassen döten, war ir glaub*

поселится у него, крестить его и ставить епископомъ; его имя *Anianus*. Полагаю, что *Amanus* слѣдующаго далѣе разсказа Pauli — описка вм. *Anianus*.

¹⁾ См. мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», Славянскій Сборникъ т. 2-й, стр. 153; сл. Zingerle, въ *Sitzungsberichte d. phil. hist. Cl. der Wiener Ak.* 1865, B. 50, p. 371 слѣд.

sei nit gerecht. Wan Christus spricht in dem ewangelio, wan ir ein glauben haben eins senfkörnlin gross sprechen ir zû dem berg, gang da hinweg, so würt er es thûn». Согласно съ этимъ царь дѣлаетъ такое писменное предложеніе епископу, который, испросивъ себѣ сроку, налагаетъ на свою паству трехдневный постъ и молитву. Ангелъ Господень является ему и говоритъ, что никто не въ состояніи будетъ подвинуть гору, кромѣ *криваго Амана*. Чудо состоялось въ назначенный день: по молитвѣ Амана «fieng der berg an zû laufen, als ein schiff uff dem mer, und lieff gegen der stat Babiloni. Da erschrack der keiser fast ubel und forcht er würd die stat gantz verderben und bat Amanum das er dem berg gebüt stil zûston. Da thet es Amanus, da stûn der berg stil, und stot noch da. Diser Amanus da er in dem ewangelien bûch gelessen het, ergert dich dein aug, so stich es usz, das hat er gethon, *er stach im selber ein aug usz*. Zwo hübsche frauen giengen für sein laden anhin, die sahe er an, und er begert ir unordenlich, und verstünd die geschriff nit recht(?), darumb ward er darzû erwelt dem berg zûgebierten».

II.

Локализація легенды въ *Александрии* и *Каирь*-Вавилонъ сближаетъ разсказъ Pauli и Geiler'a съ группою греческихъ и славянскихъ. На востокѣ¹⁾ чудо съ горою примкнуло къ имени *александрійскаго* патріарха Іоакима (избранъ въ 1486 году), о которомъ повѣствовалося и другое: врачъ египетскаго султана Гаври, *еврей*, сталъ вождемъ заговора, имѣвшаго цѣлью истребленіе или вытѣсненіе христіанъ; съ согласія султана онъ приготовилъ

¹⁾ Сл. Мамышевскаго, *Александрійскій патріархъ Мелетій Пига* и его участіе въ дѣлахъ русской церкви (Кіевъ, 1872), стр. 163—165, прим. 1; сл. стр. 158, прим. 1, стр. 161—2 и 167—8, прим. 2. Слѣдующія далѣе подробности заимствованы изъ этой книги.

ядъ и, чтобъ подѣ благодѣльнымъ предлогомъ заставить патриарха выпить его, посоветовалъ потребовать оправданія словъ Евангелія: «аще что смертноє псѣють, не вредитъ нмъ». Патриархъ вышелъ побѣдителемъ изъ псѣитаія, а врагъ, принужденный выпить изъ той-же чашки не самый ядъ, а лишь воду, въ ней взболтанную, погибъ. — Такъ въ разсказѣ Синайскихъ старцевъ, приходившихъ въ Москву къ Иоанну Васильевичу съ грамотою отъ Іоакима и Синайскаго архіепископа Макарія отъ 20 окт. 1557 г. — и въ Сказаніи Трифона Коробейникова, бывшаго въ Капрѣ въ 1584 г. — Легенда, переведенная однимъ Коптомъ съ арабскаго языка на греческій въ 1688 г. и открытая преосвящ. Порфиріемъ, присоединяеть къ чуду съ ядомъ — и чудо съ горою, подвинувшейся по молитвѣ Іоакима и монаха τζαγγάρις, т. е. *башичника, сапожника*; еврей названъ — Муза, онъ ὑραμιχτιχός τοῦ διβανίου; имя царя — Μινχξ. — Тоже соединеніе двухъ чудесъ представляетъ краткая греческая повѣсть Христофора Ангела¹⁾, выводящая дѣйствующимъ лицомъ одного лишь безъименнаго патриарха: Евреи, жившіе въ Капрѣ, убѣдили нашу (πατρίας: «τροῦτέστιν Λατίνικῳς καλεῖται Πρίντζεψ»), обѣщаніемъ двойной подати, чтобъ онъ потребовалъ отъ христіанъ подтвержденія словъ Христовыхъ: «ὁ ἔρχων πίπτει ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὅρη μεθίστανεῖν» (Matth. XVII, v. 20) и «ἐχὼ θανάσιμον πίνυ, εὐ μὴ βλάβει ἐκείνῳ» (Marci XVI, v. 18). Патриархъ выпиваетъ, безъ

¹⁾ Christophori Angeli Graeci De statu hodierno Graecorum Enchiridion Graece conscriptum, jam correctius cum versione Latina e regione posita et annotationibus multo quam antea locupletioribus, cura Georgii Fehlavii, Ecclesiastae Dantiscani, adornatum. Lipsiae, 1676, 4°, Cap. XXVI, p. 550—560. За выдержки изъ этого изданія, о существованіи котораго я узналъ изъ работы Малышевскаго, приношу благодарность Р. Келлеру и О. Д. Ватюшкову. Самъ я могъ пользоваться изданіемъ 1678 г. (Franequerae, ex officinâ Johannis Gyselaer), изъ котораго (p. 54—58) помѣщенъ даже въ Приложеніи разсказъ о чудѣ; на стр. 4—8 перепечатаны Dedicaciones graeco exemplari anno MDCXIX in typographia Academiae Cantabrigiensis publicis typis edito praefixae.

вреда для себя, чашу сильного яда, осушивъ её знаменіемъ креста, что было ему воспрещено; но онъ обошелъ этотъ запретъ, спрашивая Калифа: съ какой стороны чаши онъ прикажетъ ему пить, съ этой, или той и т. д. и такимъ образомъ въ четырехъ мѣстахъ на-крестъ касается пальцами краевъ чаши. — Еврей, выпившій послѣ того воды, въ нее влитой, тотчасъ-же умираетъ. — Слѣдуетъ за тѣмъ другое испытаніе вѣры: хрістіане проводятъ въ молитвѣ три дня и три ночи, послѣ чего тотъ-же патріархъ простираетъ руку къ горѣ, съ словами: *Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος*. И гора двинулась и остановилась лишь когда патріархъ благословилъ её, сказавъ: *Στήθι ὄρος*. Такъ она зовется и по сю пору, *τοῦρκικῇ δὲ γλῶσσῃ καλεῖται ΔΤΟΡΑΤΑΓ*, *τοῦτέστι, στήθι ὄρος*. Патріархъ не воспользовался своимъ правомъ: умертвить Евреевъ, но, съ дозволенія папы, даровалъ имъ жизнь подъ условіемъ: возить на свой счетъ Нильскую воду въ выше расположенный Капръ, — что они и до сихъ поръ дѣлаютъ ¹⁾.

Замѣтимъ хронологическое показаніе въ началѣ сообщеннаго разсказа: что чудо совершилось *πρὸ ἐξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλείον*. Если это — замѣтка Христофора Ангела, то, отправившись отъ 1619 году, т. е. перваго изданія Энхиридія, мы придемъ приблизительно къ 1560-му году, т. е. послѣднимъ годамъ патріаршества Іоакима, оставившаго каюдру въ 1565—6 гг. Но дѣло въ томъ, что русскій паломникъ Гогара, бывшій въ Александріи въ 1634 году и передающій легенду съ нѣкоторыми отличіями отъ Христофора Ангела, также говоритъ о чудѣ, какъ о совершившемся *60 лѣтъ тому назадъ*. Это совпаденіе можетъ

¹⁾ Къ этому разсказу въ изданіи 1676 г. замѣчено, p. 560: *Tale etiam legitur apud Discipulum de Tempore (= Herolt) de Calipha Rege Tartarico. Simile quid refert ex Petr. de Natalibus in Catal. Sanct. Lib. 9 cap. 19 Theatrum V. H. Beyerlingi Lit. F. Fides, p. 104. Et de Graccis sub Mahometo narrat M. Paulus Venetus de Regionibus Orientalibus Lib. I, c. 18 in Theatr. Beyerl. p. 107 a.*

быть истолковано въ томъ смыслѣ, что тотъ и другой имѣли передъ собою какую-нибудь болѣе древнюю запись преданія, и выкладка г. Малышевскаго, основанная на текстѣ Гогары (1634—60=1574) оказывается во всякомъ случаѣ сомнительной¹⁾.

Современное Синайское преданіе, сообщенное пресов. Порфиріемъ, знаетъ лишь чудо съ горою: Жилъ некогда въ *Каирѣ* одинъ сапожникъ, православный христіанинъ, неизвѣстно какъ называвшійся по имени. Въ то время Калифомъ былъ одинъ весьма жестокий человекъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ патріарха Александрійскаго и сказалъ ему: въ книгѣ вашей говорится, что кто пзъ васъ скажетъ горѣ какой-нибудь: двинься съ мѣста, то гора двинется. И такъ: или ты сдѣлаешь то, что говорится въ книгѣ вашей, и докажешь, что вѣра ваша истинна, или принимай исламъ со всемъ твоимъ народомъ, если хочешь жить на свѣтѣ. — Никакое возраженіе патріарха не было принято. Онъ былъ въ отчаяніи, вышедши отъ калифа. Ночью во снѣ кто-то повелѣлъ ему отыскать въ городѣ такого-то *цагара* (сапожника) и просить его сдѣлать передъ калифомъ требуемое чудо. Цагаръ былъ отысканъ и послѣ долгихъ отговоровъ упрямъ подчинился волѣ Божіей и пойти съ патріархомъ къ Калифу. Калифъ, не менѣе патріарха изумленный видомъ приведеннаго, созвалъ весь свой свѣтъ и множество народа на небывалое зрѣлище. Бѣдный цагаръ помолился Богу и въ простотѣ сердца сказалъ первой, какаѣ была передъ глазами, гора: двинься! Гора двинулась. Калифъ и весь народъ въ одинъ голосъ закричали: стой, стой! Христіанство этимъ не только спаслось въ Египтѣ, но и получило разныя привлекенія. Гора получила имя: *Дурда* (стой). А цагаръ, вошедшій въ величайшую славу друга Божія и чудотворца, не вынесъ своего положенія и скрылся на Синай. Но и здѣсь добродѣтель его не замедлила просіять. Въ первый-же разъ, какъ онъ поднимался изъ монастыря на гору Божію и, изнемогши отъ усталости

¹⁾ Малышевскій, I. с., стр. 181 и 165 прим.

и жажды, сказалъ: Если бы тутъ была хоть капля воды! вода вдругъ просочилась изъ подъ камня (= ключъ Цангаря). Чудотворецъ долго жилъ тутъ и тутъ-же почилъ о Господѣ ¹⁾.

Славянорусскіе пересказы легенды о чудѣ съ горою, восходящіе къ XIII вѣку, удерживаютъ александрійское приуроченіе, знаютъ одноокаго чудотворца и поводъ къ его самопостызанію, но въ отличіе отъ знакомыхъ намъ разсказовъ называютъ его не башмачникомъ, а *златокузнецомъ*, *златоковачемъ*. Этотъ загадочный для меня варьянтъ имѣлъ, впрочемъ, болѣе широкое распространеніе, судя по версіи нашего чуда у Étienne de Bourbon: *item audiui a quodam magno quod, cum in quibusdam partibus oppressissent gentiles.... начинаеть онъ свой пересказъ; властитель той страны (rector illius terrae) требуетъ отъ епископовъ и священниковъ оправданія словъ Христа: Si habueritis fidem* и т. д. Далѣе легенда совпадаетъ съ редакціей *Rosarium sermonum*, по дѣйствующее лицо — *faber quidam catholicus*, ударяющій гору своимъ *молотомъ*. Можетъ быть, и оригиналъ *Rosarium*, въ которомъ намъ встрѣтился тотъ-же эпизодъ, зналъ его героя ковачемъ — *faber*?

Сообщаемъ пересказъ Пролога, воспроизведенный и въ Макарьевскихъ Минеехъ ²⁾:

«Въ Александрѣи Египетстѣи бѣше нѣкто златокузнецъ, славенъ зѣлю въ всемъ градѣ томъ, хытрости ради рукодѣлія

¹⁾ Преосв. Порфирій, Изъ Записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудяхъ Кіевской Духовной Академіи, 1872, май, стр. 297—8; сл. его-же: Первое путешествіе на Синай, стр. 175.

²⁾ Легенда о чудѣ встрѣчается уже въ Хлудовскомъ Прологѣ 1262 г. (сл. Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго печатнаго Пролога, стр. 209, прим. 5). Обыкновенно она стоитъ подъ 7 октября: такъ въ печатномъ Прологѣ и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ (сл. А. О. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописн. сборн. Имп. Публ. Библ., № XLVII, ч. I-я, стр. 222), тогда какъ другіе помѣщаютъ его подъ 6-мъ, равно какъ и Макарьевскія Миней. Мы слѣдуемъ тексту послѣднихъ, кое гдѣ исправляя по проложнымъ.

своего. К сему приде нѣкая жена, моляшетъ и главную сѣтворити утварь на красоту своего телесѣ. Бывшую же съвъпрошанію ихъ и бесѣдѣ, нача глаголати жена, юже к любодѣланію подобна, и блазняшеся златокузнецъ в' помыслехъ на ню. Ты, яко быв'шую бѣсовьску плѣненію о грѣсѣхъ и осязанію руками и помпзанію очима и неподобному смѣху, преже даже не устрѣмися къ грѣху, и помяну слово іевангельское, въ немъ же мѣстѣ глаголетъ: аще съблажняетъ тя рука твоя десная или нога, отсѣци ю, или око, избоди е; лучше бо ти есть клосну съ еднѣмъ окомъ внити въ царство небесное, нежели цѣлып уды плушу въвер'жену быти въ озеро огненное. И възрѣвъ на жену рече: Мало ми отступи, хоцю бо сѣтворити повелѣная намъ, — и пземъ ножъ, удари са въ око десное и рече: Вижь, Господи, яко съхранитель заповѣдей твоихъ есмь; да егда въстребую помощи отъ тебе, не удалися отъ раба твоего». Въ дальнѣйшемъ разсказѣ отмѣтимъ слѣдующее: Египтомъ владѣють Сарацены, въ Александріи «мучитель люте на Христіаны» принуждаетъ ихъ причаститься къ скверной могаметовой вѣрѣ — и предъявляетъ епископу извѣстное намъ требованіе: повергнуть въ Нилъ гору Адаръ; если чудо совершится, «въ ослабѣ послужите Христу вашему; аще ли нѣ, то все богатство христіанское взято будетъ въ ризницю цареву, вы же вся мотыла и проходы наша изъ града сего потребити (вар.: требити, истребити) имате». Христіанамъ дается восемь дней сроку; епископъ собираетъ 3000 христіанъ, не считая женщинъ и дѣтей, на моленіе и всенощное стояніе; жена повѣдастъ ему о праведномъ златокузницѣ, за которымъ посылають. На третій день все идутъ къ горѣ и трижды обходятъ еѣ съ крестами; она движется по молитвѣ кузнеца и останавливается лишь тогда, когда невѣрные обѣщали креститься. Иные такъ и сдѣлали; «нечестивіи же в'писаша клятву оттолѣ и до вѣка не наkostenи христіаномъ».

Въ 1634 году то-же преданіе слышалъ, будто-бы, въ Александріи русскій паломникъ Гогара. Ничто не мѣшаетъ намъ повѣрить этому его заявленію — на сколько оно не касается

редакціи его разсказа, несомнѣнно обличающей двойное литературное вліяніе. Во первыхъ вліяніе Пролога — Мипен, хотя бы напр. въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Гогара.

Мипен.

Въ то же время приступи етера жена ко епископу и сказа ему о златоковачь, и еже все умышленье преснее на него-же исповьдал, и его твердую въру и не приложіую любовь къ Богу. Азъ бѣхъ, рече, любодѣяніе хотѣхъ съ нимъ сотворити; онъ же, яко твердый адамантъ, не поколебся и не прельстися на грѣхъ любодѣянія, избодѣ десное око свое. Слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришествіи собора, и посла по него вскорѣ.

Другимъ источникомъ, съ которымъ могъ справляться Гогары, было какое-нибудь греческое сказаніе, близкое, по нѣкоторымъ подробностямъ, къ тексту Христофора Ангела. Какъ въ немъ повѣствуется о событіи, совершившемся за *шестидесятъ лѣтъ* или болѣе, такъ и у Гогары: *лѣтъ шестидесятъ*; тотъ и другой кончаютъ анекдотомъ: будто *Евреи* до сихъ поръ *возятъ нильскую воду на христіанъ* въ память о чудѣ съ горою; тамъ и здѣсь *Александріей править наша*.

Вотъ разсказъ Гогары ¹⁾.

«Да близъ же Египта Александрійска есть гора каменная, вельми высока, на кремль городѣ, пменуемая Одоръ. Да и азъ Василій про ту гору Грековъ спрашивалъ: Что сѣй градъ по-

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 115—117.

ставленъ близъ горы великія и страшныя, едва не осыплется на градъ? И Греки о ней повѣдаша: что та гора Одоръ давно подъ градъ пришла Божіимъ позволеніемъ *лѣтъ шестьдесятъ*. Было де у православныхъ Христіанъ прѣніе съ жидами о вѣрѣ Христіанской, что ту вѣру жидове ни во что полагаху и на Господа нашего Іисуса Христа хулу возглаголаху: что де не можете ссей горы переставити; и они де за то стояли крѣпко, яко же Богъ наставилъ». Жиды подкупили турецкаго пашу и говорятъ: «аще вѣра Христіанская велика, да возмогутъ сію гору Одоръ призвати на градъ нашъ и приндесть (о)на гора ко Египту и падеть въ Геонъ рѣку, то-де вѣра ихъ велика и Христосъ силенъ, и имъ де дадимъ, Христіаномъ, пять сотъ тысячъ златыхъ. Аще ли не могутъ гору сію Одоръ призвати на Египетъ, имъ де на Христіанѣхъ взять пять сотъ тысячъ златыхъ». Епископу паша далъ «на осемъ дній ослабу, да ся помогутъ», и тотъ, собравъ христіанъ, увѣщаль ихъ стоять крѣпко и прилежно молиться. — Слѣдуютъ: явленіе и показанія жены и призваніе златокузнеца. Его молитвами гора снялась съ своего мѣста, пошла на городъ и остановилась лишь тогда, когда уstraшенные горожане обѣщали креститься. «И мнози вѣроваша жиды въ Господа нашего Іисуса Христа и написаша клятву на ся отголѣ и до вѣку не пакостити Христіаномъ.... И паша де избра лучшихъ жидовъ человекъ съ пятьдесятъ и предасть смертной казни, и много казны съ нихъ взялъ, и вѣру ихъ прокляша. *Ини же жиды и донынѣ возятъ воду на Грековъ за то прѣніе*».

Разобранные выше рассказы о чудѣ, распадаются на двѣ географическія группы: оно совершается либо въ Багдадѣ, Таврисѣ и т. п. (Марко Поло и его отраженія), либо въ Александріи, Каирѣ (Pauli, Geiler's Evangelibuch, греческіе и славянскіе пересказы). Авторъ Baudouin de Sebourg зналъ редакцію съ Багдадомъ, но, можетъ быть, и александрійскую. Его герой терпитъ кораблекрушеніе, какъ Аманъ у Pauli, что понятнѣе на пути къ Александріи, чѣмъ у Багдада; въ его оригиналѣ стояло, вѣроятно, и имя Іоакима; какъ объяснить иначе «*gal*

Ioachim», куда чудеснымъ образомъ движется гора Thir? — Въ такомъ случаѣ это пмя явилось въ легендѣ задолго до пзвѣстнаго александрійскаго патріарха. — Другой выводъ предусмѣтрѣнъ всѣмъ предъидущимъ изложениемъ: крпвой простецъ чудесной легенды объяснить намъ, быть можетъ, крпваго скомо-роха смѣхотворнаго пренія.

Πρiложение.

Ἱστορία περὶ τοῦ μεταπεθέντος ὄρου ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Αἰγύπτου διὰ προσευχῆς τοῦ Πατριάρχου ἕνεκα τῆς εὐσεβοῦς πίστεως τῶν Χριστιανῶν, καὶ περὶ τοῦ ἰοῦ, ὃν πέπωκεν ὁ Πατριάρχης τῆς Ἱερουσαλῆμ.

Πρὸ ἐξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεῖον οἱ Ἑβραῖοι οἱ κατοικοῦντες ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Καίρους, φθόνῳ μεγάλῳ κινηθέντες κατὰ τῶν Χριστιανῶν, διὰ τὸ γενέσθαι τὸν Πασίαν (τουτέστιν Λάτεινικῶς καλεῖται Πρίνζεψ) πάνυ φιλόγυρον, συνεβουλεύσαντο τῷ Πασίᾳ, λέγοντες, δοῦναι τῷ Πασίᾳ τὸν φόρον τῶν κατοικούντων Ἑλλήνων ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις δις τὸσον φόρον, καὶ ἀποκτείνειν τοὺς Χριστιανοὺς, διὰ τὸ ψεύδεσθαι τὸν Χριστὸν λέγοντα, ὅτι ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σιγά-πειως ὥστε ὄρη μεδιστάνειν, Ματθαῖος κεφ. ιζ. στοιχ. κ. Καὶ καὶ θανάσιμον πίνην, οὐ μὴ βλάβῃ ἐκείνῳ, Μάρκος, κεφ. ις. στοιχ. ιη. Τότε ὁ λυσσώδης Πασίας ἐκάλεσε τὸν Πατριάρχην καὶ λέγει· Ἡ πίστις ὑμῶν ἐστὶν ἀπάτη, διὰ τὸ λέγειν τὸν Χριστὸν· Ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ, καὶ θανάσιμον πίνην, οὐ μὴ βλάβεται ἐκείνῳ. Καὶ ἐν τούτῳ προσέταξεν ἵνα ὁ Πατριάρχης πίνην ἰὸν ἔμπροσθεν τοῦ Πασίᾳ, μηδὲν σημεῖον σταυροῦ ποιησάμενος, ὅτι εἶπον οἱ Ἑβραῖοι τῷ Πασίᾳ· Οἱ Χριστιανοὶ ἔχουσι μαχίαν τὸν σταυρόν, καὶ τότε κόπτεται ἡ ἐνέργεια τοῦ ἰοῦ. Καὶ τούτου ἕνεκα προσέταξε τῷ Πατριάρχῃ ὁ Πασίας, μὴ ποιῆσαι σημεῖον τοῦ σταυροῦ ἐν τῷ πίνειν τὸν ἰόν.

Ὁ δὲ Πατριάρχης προσκαλεσάμενος τὸν λαὸν σὺν τῷ λαῷ τρεῖς
 ἡμέρας προσευχόμενος ἐνῆρτνε καὶ ἐδέετο τοῦ Θεοῦ, καὶ τῇ τρίτῃ
 ἡμέρᾳ θυσιάσας, σὺν ὅλῳ τῷ λαῷ ἐπορεύθη πρὸς τὸν Πασίαν, ἐκεῖ
 παρόντων καὶ πάντων τῶν Ἑβραίων. τότε ἐκομίσεν εἰς τῶν Ἑβραίων
 τὸν ἰὸν καὶ δίδωσι τῷ Πατριάρχῃ πλεῖν ποτήριον πλήρες ἰσχυροτά-
 του ἰοῦ. Ὁ δὲ Πατριάρχης κρατῶν τὸ ποτήριον πρὸς τὸ πίνειν,
 λέγει πάλιν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ· Πρόσεχε, μὴ ποιήσεις σχῆμα
 σταυροῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ. Ὁ δὲ Πατριάρχης, εὐλογῶν τὸ ποτήριον
 καθ' αὐτοῦ μυστικῶς, ἐρώτα τῷ Πασίᾳ, λέγων, τὸ λοιπὸν, πῶθεν
 θέλεις ἵνα πίνῃ ἐκ τούτου τοῦ μέρους, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου,
 ἢ ἐκ τούτου, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ ἐθικεν ἐν πέσσασι τόποις τοῦ
 χειλούς τοῦ ποτηρίου τοὺς δακτύλους αὐτοῦ, εὐλογῶν τὸ ποτήριον
 καθ' αὐτοῦ. Τότε πάλιν λέγει ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ, πῶς ὁπόθεν
 θέλεις, μὴ γινούς, ὅτι ὁ Πατριάρχης ἐν σχήματι σταυροῦ εὐλόγησε
 τὸ ποτήριον. Μετὰ ταῦτα ὁ Πατριάρχης πέπωκεν ὅλον τὸ ποτήριον,
 καὶ μετὰ τὸ πλεῖν κελεύει ὁ Πατριάρχης ἵνα φέρωσιν ὕδωρ, καὶ
 κομίσαντες τὸ ὕδωρ ἐβάλαν ὀλίγον ὕδωρ ἔσω τοῦ ποτηρίου, καὶ
 ἐπλυνε τὸ ποτήριον. ἔπειτα λέγει τῷ Πασίᾳ· ἐγὼ πέπωκα τὸν
 καρπὸν ὅλον τοῦ ἰοῦ, πινέτω καὶ ὁ Ἑβραῖος μόνον τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ
 ὕδωρ, ἵνα εἰδῶμεν χάκεινός τὴν πίστιν. Τότε δίδωσιν ὁ Πατριάρχης
 τὸ ποτήριον τῷ Ἑβραίῳ πλεῖν, ὅδε Ἑβραῖος οὐκ ἤθελε πίνειν. τότε
 ὁ Πασίας ἠπειλήσε τῷ Ἑβραίῳ, λέγων· πίνε, ἵνα εἰδῶμεν καὶ τὴν
 σὴν πίστιν. Καὶ οὕτως ὁ Ἑβραῖος πέπωκε τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ
 αὐτίκα ἐρράγη. Τότε οἱ Ἑβραῖοι ἔδωκαν πλείονα σχήματα τῷ Πασίᾳ,
 λέγοντες· μαγίαν ἐποίησεν ὁ Πατριάρχης. Καὶ λέγουσι· Περὶ τοῦ
 ὅρους ἄλλα λέγει ὁ Χριστὸς· Ἐάν ἐχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως,
 ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· μεταβήθι· ἐντεῦθεν ἐκεῖ καὶ μεταβήσεται.
 Καλέσται ἐπὶ καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο, καὶ ἐάν ἐλθῃ τὸ ὄρος τὸ κατέναντι
 ἡμῶν πρὸς ἡμᾶς, τότε ἀποκτενέθωσαν ἡμᾶς οἱ Χριστιανοί· Τότε
 πάλιν ἐκέλευσεν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ ἵνα τὸ ὄρος καλέσῃ ἐλθεῖν,
 ἄλλως δεῖ τοὺς Χριστιανούς ἀποκτανθῆναι. Τότε ὁ Πατριάρχης
 ἐδεήθη τῷ Πασίᾳ, ἵνα χαρίσῃται αὐτῷ τρεῖς ἡμέρας, ἵνα καὶ
 οἱ Ἕλληνες συμβουλήν λάβωσιν. Ὁ δὲ Πατριάρχης σὺν τῷ λαῷ
 ἤρχετο μετὰ δακρύων νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ

τὸ εἰωθὸς θυσιάσας, πάλιν ἡθροίσθησαν ὁμοθυμαδὸν πάντες Ἕλληνες τε καὶ Τοῦρκοι καὶ Ἑβραῖοι, καὶ ἐπορεύθησαν εἰς τὸν τεταγμένον τόπον. Καὶ τότε ὁ Πατριάρχης, ἐκτείνας τὴν χεῖρα πρὸς τὸ ὄρος, λέγει· Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. Αὐτίκα δὲ τὸ ὄρος ἐρράγη εἰς μέρη καὶ ἤρχετο πρὸς αὐτούς. Ἐροβήθησαν δὲ πάντες, μήπως καλύψῃ αὐτούς. Καὶ τότε ὁ Πασιὰς πάλιν λέγει τῷ Πατριάρχῃ· εἰπὲ τὸ ὄρος ἵνα στῇ. Τότε πάλιν ὁ Πατριάρχης ἐκτείνας τὴν χεῖρα εὐλόγητο τὸ ὄρος, λέγων· στῆθι ὄρος. καὶ ἐστάθη ἐκεῖ τὸ ὄρος. Καὶ ἐκ τότε ἐκλήθη τὸ ὄνομα τοῦ ὄρους ἐκείνου Στῆθι ὄρος ἕως τὸ σήμερον ἡμέρας, τουρκικῇ δὲ γλῶττῃ καλεῖται Δτουρδτάχ, τουτέστι Στῆθι ὄρος. Τότε ὁ Πασιὰς εἶπε τῷ Πατριάρχῃ ἵνα οἱ Ἕλληνες ἀποκτείνωσι τοὺς Ἑβραίους. Ὁ δὲ Πατριάρχης λέγει τῷ Πασιᾷ· ἡμεῖς οἱ Χριστιανοὶ οὐκ ἔχομεν ἔθος ἀποκτείνειν τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλὰ ἀντὶ τιμωρίας αὐτῶν, φερέτωσαν τὸ ὕδωρ, ὃ ῥεῖ ὑπὸ τοῦ Καίρους, ῥεῖν ἔσω τοῦ Καίρους, ὥστε πίνειν πάντας τοὺς τῆς πόλεως ἀνθρώπους ἐξ ἐκείνου τοῦ ὕδατος τῶν αὐτῶν δαπάναις. Καὶ οὕτως ἐχαρήσατο τὸ ζῆν τοῖς Ἑβραίοις ὁ Πασιὰς, καὶ ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας οἱ Ἑβραῖοι φέρουσι τὸ ὕδωρ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ ἔσω τοῦ Καίρους ταῖς ἰδίαις δαπάναις, πρὸς τὸ πίνειν πᾶσαν τὴν χώραν, ὅτι ὁ Καῖρος ἐστὶν ἐν ὑψηλοτέρῳ τόπῳ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ, καὶ ἐστὶ μεγάλη δαπάνη ποιεῖν τὸ ὕδωρ ἀναβαίνειν. Δύναται ἕκαστος ἐκ τῶν ἐμπείρων, ἐμπόρων τῶν ἐκεῖσε πορευομένων μακθάνειν καλῶς, ὡσαύτως καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε πορευομένων Ἑλλήνων, ἐὰν θέλωσι λέγειν τὴν ἀλήθειαν....

Лишь при послѣдней корректурѣ этой замѣтки получилъ я легенду о чудѣ съ горою въ пересказѣ Герольта. Такъ какъ въ Веймарской библиотекѣ его Sermones не оказалось, то Reinhold Köhler сообщилъ мнѣ выписку изъ экземпляра, доставленнаго ему изъ библиотекы въ Gotha (Sermones discipuli de tempore et de sanctis una cum promptuario exemplorum. Argentine 1492. fol. Exempla de F. Scite y). Печатаю еѣ здѣсь, не желая разбѣивать набора.

Ad confirmationem fidei catholice mons motus est de loco suo. *Exemplum VI.* Vincentius in speculo hystoricali scribit, quod anno domini M. CC. XXV. Calipha rex Tartarorum conatus extirpare christianos de regno suo quia christiani mixtim habitabant inter paganos. Et unus de consiliariis suis consuluit regi ut eos vinceret ex evangelio. Nam Christus deus christianorum locutus est: Si quis christianus non hesitaverit et dixerit monti huic: tolle te et mitte te in mare, fiet ei. Qui cum vocavit omnes christianos, quaesivit, si verba Christi et evangelium verum sit. Respondentibus omnibus sic, statim comminatus est eis, quod nisi infra decem dies hoc factum ostenderent, omnes perirent. Tunc episcopus et sacerdotes convocaverunt christianos, et indicto ieiunio per triduum et orationibus intendentes rogaverunt dominum Iesum Christum, ut suis fidelibus succurreret. Et revelatum est cuidam episcopo devoto viro, quod sutor monoculus dignus esset illa verba proferre et populum Christi de periculo eruere. Qui ex humilitate renuit et se peccatorem esse asseruit, tamen ex obedientia praecepto se submitit. Et christiani ex una parte steterunt et crucem Christi secum habuerunt, et rex Caliphus ex alia parte cum populo suo, qui fuerunt parati ad occidendum christianos. Oravit autem sutor flexis genibus, ne Christus tot christianos necari permitteret, et praecepit monti, ut se tolleretur. Quod et statim factum est. Quo viso rex baptizatus est et plures cum eo, et sic fides roborata et augmentata est.

IV.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АПОЛОГАХЪ КИРИЛЛА.

Такъ называемое Speculum sapientiae beati Cirilli episcopi alias quadripartitus apologeticus vocatus — имѣетъ свою литературную исторію, полную непорѣшенныхъ вопросовъ, недоказанныхъ утверждений и страшныхъ недоразумѣній. Памятникъ

несколько разъ былъ изданъ въ XV вѣкѣ и въ томъ-же столѣтїи переведенъ на нѣмецкій и чешскій языки, что указываетъ на значительное его распространеніе, а между тѣмъ въ 1630 году іезуитъ Кордерій напечаталъ его по рукописи бывшей библіотеки Матвея Корвинна, какъ дотолѣ неизданный. Нѣчто подобное случилось съ *Édelestand Du Méril*омъ: въ своихъ *Poésies latines inédites du Moyen-âge* (Paris 1854) p. 149 слѣд. онъ приводитъ по вѣнской рукописи, указанной ему Фердинандомъ Вольфомъ, два отрывка изъ средневѣковаго латинскаго собранія апологовъ, которое считалъ неизданнымъ, тогда какъ оно ни что иное какъ *Speculum* Кирілла. Всего интереснѣе то, что нѣсколькими страницами выше (стр. 146 прим. 3) Du Méril говоритъ именно объ этомъ памятникѣ, оспаривая мнѣніе Мпрея, будто авторомъ Апологовъ былъ — Геннадій Марсельскій!

Это, впрочемъ, одно изъ многихъ предположеній, вызванныхъ вопросомъ: кто былъ авторъ Апологовъ, «блаженный Киріллъ епископъ». Его отождествляли то съ Кирілломъ Александрійскимъ, то съ Кирілломъ Іерусалимскимъ, наконецъ съ сомнительнымъ первоучителемъ Славянъ. Последнее мнѣніе, выраженное впервые Коначемъ (Finitor) — либо его источникомъ? — по поводу изданнаго имъ въ 1516 году чешскаго перевода *Speculum*, было поддержано впоследствии Бальбиномъ (*Epitome rerum Bohemicarum* 1677, I, 1, p. 9; сл. его *Miscell.* IV, p. 4 и его *Corrig. in Bohem. doct.* p. 15), полагавшимъ даже, что св. Киріллъ написалъ свои апологи по гречески. Празднованіе тысячелѣтняго юбилея славянскихъ апостоловъ въ 1863 г. оживило еще разъ мертворожденную гипотезу Коначи-Бальбина. Укажу на переводъ «Правоучительныхъ басенъ св. апостола Моравіи, Кирілла», сдѣланный Симеономъ Perzieh'омъ, посвятившимъ это «апостольское твореніе» архиепископу Оломуцкому¹⁾. —

¹⁾ Moralische Fabeln des hlg. Apostel Mährens, Cyrill, nebst einer kritischen Untersuchung der Beweisgründe für deren Echtheit u. t. d., 2^e (Jubiläums-) Auflage. Leobschütz 1863.

У насъ статья Соболевскаго, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ (1864 г. вып. II, р. 172) и затѣмъ въ Кирилло-Мефодіевскомъ сборникѣ Погодина (Москва, 1865, стр. 528—33) поддерживала тоже отождествленіе, къ которому склонился и Коларъ, въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ-же Архивѣ (1864 г. вып. IV). Статьи Платонова и П. Лавровскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія за 1868 годъ (май и июль) освободили насъ отъ этого народно-патріотическаго кошмара. Первый, обратившись между прочимъ къ наблюденіямъ надъ латинскимъ стилемъ апологовъ, не нашелъ въ немъ слѣдовъ той «gracca phrasis», въ которой Гальбинъ усматривалъ отраженія греческаго оригинала и вмѣстѣ доказательство его существованіе ¹⁾. Какъ видно, отрицательное рѣшеніе этого вопроса, предусмотрѣнное Корнелиемъ а Lapide, Лаббеємъ и др., касается не столько-же Кирилла Славянскаго, на сколько двухъ другихъ, которыхъ привлекали къ авторству апологовъ. «Притчи или Апологи Кирилла ни по духу, ни по выраженію, не принадлежатъ не только нашему Кириллу, но и всему греко-славянскому міру», говорятъ г. Платоновъ въ заключеніи своего разбора, и съ этимъ устранивающимъ выводомъ нельзя не согласиться ²⁾, положительный вызываетъ сомнѣніе, потому что въ сущности не доказанъ: будто-бы Speculum — «пропзведеніе смягчавшейся схоластической почвы (sic) Германіи, написанное въ назиданіе нѣмцамъ XV вѣка». Г. П. Лавровскій предпочелъ возвратиться къ старому мнѣнію Добровскаго (Slavin, Prag 1834, р. 162: сл. Hanka, Rozbor staročeské lit. t. II, р. 18—27 и его статью въ Abhandl. d. k.

¹⁾ Грецизмъ въ словарѣ не доказательным. Сл. I. III, с. 10: *brabitae*. *civilitatis cultores* (?), = греч. βραβηταί, βραβητοί; среднелат. *brabeta*. сл. Ducange, Gloss. med. et inf. latin. a. v. *brabeta*; I. II, с. 28: (*gallus*) *erecto pollimito collo*, т. е. нестрый; сл. греч. πολυμίτης и τὸ πολυμίτης = lat. *polymita*.

²⁾ Этотъ выводъ принять и г. Вороновымъ. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Мефодія. въ Труд. Киевск. Духовн. Академ. 1877. авг., стр. 461. 462.

böhm. Ges. d. Wiss. 5^e Folge, b. III, Prag. 1845, p. 686 слѣд.: по чешски), основанному на показаніи одной рукописи: что авторомъ ея былъ Cyrillus de Guidenon, т. е. пзъ Guidone, городка въ провинціи Кампанатѣ, — poeta laureatus, жившій въ XIII в. Рукопись эту, принадлежащую бібліотекѣ Пражскаго университета (VI, 3 прежней нумераціи) Добровскій видѣлъ еще въ 1779 году, прежде чѣмъ по ней прошла рука извѣстнаго подобнымъ вандальскимъ продѣлками скриптора Циммермана. Въ слѣдующихъ пометкахъ слова, поставленные въ скобкахъ, были имъ вырѣзаны: *Incipit libe[r] primus Quadripar[titi] editus a Cirillo epo. Alias gwidenon laureato poeta. Semper disce et i ext'mis Sapiencie magis stude. — Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo epo alias [gwidenon laureate po]eta ffinit' anno dñi M° CCCC° LX° II° ff. III añ Greg'oij. —* Такой-же вырѣзкѣ подверглась запись другой рукописи Апологовъ (VI, 2 прежней нумераціи), также видѣнная Добровскимъ: *Cyrilli [alias Sycinderini Poetae laureati] apologorum libri 4 a folio 1 usque ad fol. 55 versum.*

Какъ помнитъ Gwidenon съ Sycinderinus, спрашиваетъ себя Graesse, недавно перепздавшій старопечатный текстъ *Speculum* ¹⁾ — и сообщаетъ вмѣсто отвѣта письмо къ нему старшаго бібліотекаря Пражской университетской бібліотеки, Цейдлера, о нынѣшнемъ состояніи рукописей, рассмотрѣнныхъ Добровскимъ:

а) Текстъ, находящійся въ сборникѣ V D 8, подъ № 5, начинается словами: *Incipit liber quadripartiti editus a cirillo epo alias gwidenon laureato poeta. —* Тоже имя Gwidenon находилось и въ *Explicit*, но вырѣзано святотатственной рукою. Теперь это *Explicit* читается такимъ образомъ: *Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo Epō alias [.]eta finitus anno dñi M° CCCC° LX° Ij°.*

¹⁾ Die beiden ältesten lateinischen Fabelbücher des Mittelalters etc. hrgs. v. Th. Grässe. Bibl. des litter. Vereins in Stuttgart, 148 Publication. Сл. p. 288—9.

b) Текстъ пергаментной, дефектной въ началѣ ркн. XIII F. 9, кончается лаконически: Explicit Quadripartitus apologeticus Anno doi M&. — Incipit'a нѣтъ, но что въ немъ было пмя Sycinderinus'a, можно заключить изъ перечня содержанія рукописи, помѣщеннаго на внутренней сторонѣ верхней переплетной доски: 1^m Cyrilli alias Sycinderini Poetae laureati Apologorum libri 4 a folio 1^m usque ad folium 55 versum; 2^{lo} Seneca de quatuor cardinalibus virtutibus a folio 55 verso usque ad folium 59; 3^{io} Elucidarium theologicum и т. д. — Откуда могъ бы писецъ перечня взять пмя Sycinderinus'a, если не изъ Incipit, нынѣ недостающаго? Трудно предположить, чтобы онъ прочелъ не-вѣрно: такъ отчетливо и красиво написаніе рукописи».

А вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятность заставляетъ предположить вмѣсто Sycinderinus какое-нибудь другое пмя, болѣе близкое къ Gwidenon. Станнымъ образомъ Graesse упустилъ изъ виду работу Voigt'a, явившуюся двумя годами раньше его собственнаго изданія ¹⁾, работу, въ которой небольшой отрывокъ Speculum изданъ впервые при помощи рукописей (стр. 139—146; сл. р. 51—57), между прочимъ, одной бреславльской и одной лейпцигской. Въ первой апологѣ Кпррлла обозначены такъ:

Liber vocatur *Gwidrinus* sic nominatur;

во второй: libri quattuor *Gwidrini*, а на л. 183^a названъ: *venerabilis dominus Gwidrinus*. Это ближе къ Gwidenon пражской рукописи, написаніе которой осталось неизвѣстнымъ Voigt'у, равно какъ и обусловленная имъ гипотеза Добровскаго: о южно-итальянскомъ происхожденіи, либо отношеніяхъ автора Апологовъ. Съ мнѣніемъ Добровскаго Фойгтъ ознакомился лишь позже (Zs. f. d. Alterth. XXIII B. р. 283) и попытается комбинировать его со своимъ: «meine Ergebnisse über Cyrill werden durch die von Dobrowsky Gesch. d. böhm. Spr², s. 295 gefundene hs. notiz

¹⁾ Kleinere lateinische Denkmäler der Thiersage aus dem XII bis XIV Jhrh., hrsg. v. E. Voigt (Quellen und Forschungen. XXV). Strassb. 1878.

dahin bestätigt, bez. berichtet, dass ein Cyrillus aus Guidone in Neapel (?) der Verfasser ist». Но какъ соединить собственное имя *Gwiderinus* съ мѣстнымъ *Gwidenon* и при чемъ тутъ епископъ Кирпалъ?

Грессе (I. с. р. 288 слѣд.) считаетъ итальянскую гипотезу слабо обоснованной: упоминаніе Дуная (I. III, сар. 8 и 23) указываетъ, по его мнѣнію, на другую національность писателя. Что онъ не былъ грекъ, это видно изъ его заявленія (I. I, сар. 15) о числѣ гласныхъ въ алфавитѣ, которыхъ онъ насчитываетъ не семь, а пять. Прибавимъ къ этому, въ видѣ косвеннаго доказательства, что священнымъ Писаніемъ онъ пользовался по Вульгатѣ, не по переводу Семидесяти, какъ можно было-бы ожидать отъ византийца ¹⁾. — Слѣдующія за тѣмъ соображенія Грессе замѣчательны своей наивностью, чтобы не сказать большаго. Авторъ могъ быть французомъ — заключаетъ онъ изъ употребленія *si* въ значеніи *nisi* (I. II, с. 9, р. 45, l. 10), *fontana* вм. *fons* и упоминанія *Gallia*, *Gallia bulbus* (р. 289; въ текстѣ стоитъ: *bullus*). Но первые два признака вовсе не говорятъ исключительно за Францію, а связь, въ которой является слово *Gallia* въ I. II, с. 5: *inde furit ebria Gallia*, прямо говоритъ противъ автора-француза, что и замѣчено было Voigt'омъ (р. 56). — Впрочемъ, продолжаетъ Грессе, другія выраженія какъ *brodium* (I. IV, с. 2) и *zucarum* (I. IV, с. 3) указываютъ на германскія племена, — и на другую страну перпорченная, очевидно, фраза I. IV, с. 5, опущенная Кордеріемъ, но удержанная нами въ текстѣ: *in bays et hancis*. Среднелатинское *brodium* (ит. *brodo*, исп. порт. *brodio*, пров. *bro* и т. д.) свидѣтельствуетъ о присутствіи германскихъ элементовъ въ романскихъ языкахъ, — не о національности автора анологовъ; *zucarum* — слово, внесенное въ новые языки Арабами, воздѣлавшими сахаръ въ Египтѣ, Критѣ, Сиріи, Сициліи и Испаніи. Что до указанной выше фразы, то она требуетъ объясненія. Свинья наслаждается своей лужей (текстъ Грессе): *quati tam*

¹⁾ Платоновъ, I. с. стр. 402. прим. 2.

fruibile balneum carni meae, aqua refrigerii, stilla rosis. transcendens nempe *Libani latices, Damasci et Panormitani fontes et in bays et hanicis lavacra sospitalis*. — Въ старопечатномъ изданіи Апологовъ (Аугсбургъ, у Зорга; экземпляръ Импер. Публ. библиотеки) непонятное мѣсто читается такъ: transcendens nempe *Libani latices, Damasci et Panormitani fontes dulcedines et lavacra seu balnea sospitalis*; у Кордерія: *Damasci fontes et Panormitana balnea sospitalis*; Voigt (I. c. 56): *Panormitani fontes et in bays ethaniceis lavacra sospitalis*, стало быть, удерживая тексты Грессе, но читая et hanicis = ethaniceis, можетъ быть, вмѣстѣ Aethniceis? По крайней мѣрѣ Voigt утверждаетъ, ссылаясь на это мѣсто, что авторъ апологовъ изъ цѣлебныхъ европейскихъ водъ (Heilquellen) знаетъ лишь сицилійскія. О цѣлебныхъ водахъ нѣтъ, кажется, рѣчи; ethaniceus сомнительно; но Panormitani fontes, напоминающіе извѣстныя похвалы Фальканда и богатство водныхъ сооруженій вокругъ мусульманско-норманнскаго Палермо, являются довольно вѣскимъ моментомъ въ пользу южно-итальянскаго происхожденія автора. Такъ понимаетъ это дѣло и Voigt. Менѣе или вовсе недокзательны выбранные имъ образцы итальянизмовъ языка Апологовъ: beuargus (I. II c. 20, 30), barda (I. II c. 22, 14), ballagius (I. II 24) ¹⁾, brodium (I. IV, 2, 20), comitiua (I. III c. 12, 20), ничего не говорятъ за Италію; на сколько темное выраженіе I. IV c. 2: semper vivo in croccis — итальянизмъ — пусть рѣшатъ другіе; съ berta въ I. III c. 12 (сл. I. II, c. 6: bertina facie) = обезьяна сл. подобное-же значеніе итальянскаго bertuccia, bertuccio, хотя, быть можетъ, выраженіе: bene conveniunt iocus et berta слѣдуетъ истолковать нѣсколько иначе, чѣмъ то дѣлаетъ Voigt: *ein Spielmann und ein*

¹⁾ «Aurum es, sub terra late, pretiosissimus es rubinus, in petra bellugii te absconde». Voigt толкуетъ ballagius = ит. balascio. Этимологію послѣдняго см. у Diez, Wb. a. v. balascio (: отъ Бадакшана) и у Dozy-Engelmann'a, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, 2e éd. a. v. balax, balajo, balaxo: rubis balais, de l'arabe-persan balaksch.

Affe, принимая *iocus* въ смыслѣ *jocularis*, согласно съ надписаніемъ аналога (*De simia et histrione*) и типическимъ въ средніе вѣка соединеніемъ бродячаго скомороха съ обезьяной ¹⁾. Но съ тѣмъ словами обращается гистріонъ къ обезьянѣ, предлагающей вступить къ нему въ услуженіе; лат. *berta: burla, beffa*; отсюда: *bene conveniunt iocus et berta* можетъ означать: шутка и насмѣшка вмѣстѣ уживутся!

Болѣе положительныхъ результатовъ для опредѣленія народности автора Аналоговъ можно ожидать отъ разбора его труда со стороны его содержанія, разумѣя подъ этимъ: объемъ и направленіе начитанности и приемы литературной разработки. Въ томъ и другомъ смыслѣ было сдѣлано многое, но не все возможное для рѣшенія вопроса. Кордерій выбралъ изъ Аналоговъ указанія на знакомство автора съ Библіей и новозавѣтной литературой ²⁾; Voigt и Грессе на его начитанность въ области римскихъ классиковъ ³⁾, на цитаты и извлеченія изъ Гиппократъ, Галена и особенно Аристотеля, съ сочиненіями котораго по логикѣ, этикѣ и естественной исторіи авторъ былъ несомнѣнно знакомъ по латинскимъ переводамъ — что стало возможнымъ лишь съ половины XIII вѣка. Съ этой поры образовался въ Италіи, прежде всего въ Болоньѣ и Падуѣ, и тѣ «*universitates philosophorum et medicorum*», къ которымъ, вѣроятно, принадлежалъ авторъ аналоговъ, почерпнувшій свою ученость не столько

¹⁾ Сл. Разысканія VII р. 169—70. Сл. еще чудо, рассказанное Григоріемъ Великимъ *Dial. I, 9*: о Бонифаціи и скоморохѣ.

²⁾ Сл. выборъ изъ Кордерія у Грессе I. с. р. 294—6. Интересно замѣтить значительное преобладаніе ссылокъ на книги Вѣтнаго Завета.

³⁾ Voigt, I. с. 54—5; Graesse, p. 290. Первый указываетъ на Саллюстія, Валерія Максима, Виргилія и Горация; второй на Сенеку, Горация и Публия Сира. Что до двустинія въ I. III, с. 27, заимствованнаго изъ *Praxis iocandi Nigellus Wireker'a*, то оно не находится въ *editio princeps*, и, вѣроятно, вставлено въ текстъ Кордеріемъ (сл. Graesse, I. с. р. 103 и 290). Этимъ устраняется заключеніе Voigt'a (55), что двустиніе Вирекера не позволяетъ отнести написаніе Аналоговъ раньше XIII вѣка!

изъ чтенія, сколько изъ живаго преподаванія. Такъ заключаетъ Voigt изъ словъ Пролога: *exempla moralia, non de nostra paupertate stillantia, sed de vena magistrorum*: заключеніе произвольное, если разумѣть подъ *magistri* — Аристотеля, Галена и друг., которыхъ естественно было противоположить своей собственной умственной скудости. Конечный выводъ Фойгта, принятый и нѣкоторыми изъ его критиковъ¹⁾, сводится къ тому, что Апологъ принадлежать какому-нибудь клерiku XIV-го вѣка (Гвидрину), воспитавшемуся въ Италіи (р. 57), гдѣ струя животной саги была слабѣе, чѣмъ напр. на сѣверѣ, — что отразилось напр. и на ея бѣдности въ Апологахъ: изъ общаго числа 95-ти Voigt могъ выбрать всего пять (I. I, с. 5, 13, 24; II, 15; III, 11), имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ циклу «Ренара» (с.л. р. 54 и 139 слѣд.). Но и въ этихъ разсказахъ автора очевидно интересовала не сказочная канва, а тотъ элементъ умозрѣнія и нравовученія, который такъ или иначе въ неё вкладывался. Въ *Roman du Renart* разсказывается о Лисѣ-падомнищѣ, идущей въ Римъ

¹⁾ Сл. Seiler, въ *Anz. für deutsch. Alterthum u. deutsche Literatur* V, 2, April 1879, p. 120; Reiser, въ *Jen. Literaturzeitung* 1878, № 36, p. 525—6. Замѣтка послѣдняя поднимаетъ, случайно, новый вопросъ, на который я укажу словами критика, хотя считаю его тогдашнему совершенно не сбыточной. «Der Italiener verräth sich,.... hauptsächlich durch die Sprache, говоритъ объ авторѣ апологовъ. Mich erinnert die Sprache ausserdem an ein anderes Land: an Polen; es ist nicht ganz das Latein, das wir in Italien in jenen Jahrhunderten finden; es ist viel zu schwerfällig dazu, zu geschraubt. Sollte der Mann identisch sein mit einem «Viduinus Canonicus Vratislaviensis, Capellanus Cracoviensis», welchen eine Rhedigersche Hs. (S. IV 2 a 26, chart. s. XV ser. per manus Nisko-viach Zamyde) als Verfasser des allerwärts bekannten, aber meist anonym verbreiteten *Antigameratus* (Inc. *Has morum flores*) ausgiebt? (Bebelius citiert das Werk unter den *opuscula*, die man lesen müsse: *Facetus*, *Floretus*, *Antigameratus*, *Physiologus*, *Contemptus mundi*; und in dieser Gesellschaft findet es sich denn auch ungemein häufig). Etwas Wahres muss an der Angabe sein, obwohl die Münchner Hss. lat. 7678 u. 7710, s. XV. dafür «Johannis Cracoviensis Canonici» bieten».

каяться въ своихъ грѣхахъ; къ ней присоединяются баранъ и оселъ; въ Isengrimus спутниковъ больше: олень, баранъ, пѣтухъ, козель, гусь и оселъ; тамъ и здѣсь они нападаютъ въ передѣлку къ волкамъ, отъ которыхъ отдѣляются. Сл. соответствующіи разсказъ Апологовъ, I. I, с. 24 (Cum electo socio proficiscaris aut converseris): «Ad declinationis etatem vulpes deducta patratu reatus conscia ut satisfaceret peregrinari cum vellet, mox peregrinationis eius rumor insonuit». Собака, онагръ, медвѣдь, левъ, павлинъ, волкъ, свинья, оселъ поочередно предлагаютъ себя ей въ спутники, но она всѣхъ отсылаетъ по разнымъ причинамъ: собаку, потому что она «provocator inimicitie», свинью — за ея неопрятность, и т. д. Она беретъ съ собою другихъ звѣрей: *pantheram* videlicet, *cujus os redolet, simeam* que in plenilunio gaudet, *agnum* mitem, *pusillanimum leporum*, *erinacium* cutis spinose, *bouem* de labore viventem, *crusininum*¹⁾ sordes vitantem, *formicamque* prudentem. — Что это за соня? спрашиваетъ лису воронъ; та отвѣчаетъ: *electa* quidem est *comitiva* prudentis, namque cum electo electus eris, et qui cum sapientibus graditur, sapiens erit. — Et ille: Recte iudicasti, sed doce: Cum quibus conversatur, ut prosperetur? Mox illa: Cum amatore quippe sapientie, zelatore iustitie et amicitie fidei cultore. Quibus diffinitis ultra processit.

Приведенный апологъ можетъ дать понятіе о стилѣ остальныхъ. Не вездѣ являются и тѣ блѣдныя очертанія животной сказки или басни или воспоминанія Физиолога, какія намъ встрѣ-

¹⁾ Варианты этого слова см. у Voigt'a, I. с. р. 143 прим.; Graesse, р. 32: *crusimum*. Лиса, отвергнувъ *восемь* звѣрей, избираетъ вмѣсто нихъ другихъ *восемь*, противоположныхъ имъ по качествамъ. Такимъ образомъ *свинью* противопоставляется *crusininus* = *кошъ* по переводу Perzich'a, что можно оправдать указаніемъ на I. IV, с. 1: *De turilego et porco*. Иначе появились это слово старо-нѣмецкіе переводы (у Voigt'a, I. с. прим.: охотничья собака). *Crusininus*, во всякомъ случаѣ, стоитъ въ связи съ среднелат. *crusina*, *cursina*, предполагаемо-славянскаго происхожденія.

тились выше, а дѣло ограничивается бесѣдой двухъ или нѣсколькихъ животныхъ между собою, либо споромъ драгоценныхъ камней или растений (I, I, сс. 26, 27; сл. II, 14: тростникъ и сахарный тростникъ; II, 23: тернъ и фиговое дерево; III, 14: пальма и тыква; IV, 9: роза, яблѣя и фиговое дерево)¹⁾, Солнца съ Меркуріемъ (I, 17), Сатурна и тверди (II, 24), Земли съ воздухомъ (II, 11 и III, 19), туманомъ (II, 12) либо двигающимъ началомъ (III, 21); дня и ночи (III, 22), солнца и тьмы (III, 24), души съ тѣломъ (II, 2) и волей (II, 8), похоти съ разумомъ (II, 10: *De affectu et intellectu*), уха съ глазомъ (I, 25), богача со счастьемъ (III, 4). — Собственно говоря, нѣтъ и пренія, а заявленіе, похвальба одной стороны, нерѣдко опредѣленная характеристикой Физіолога, вызывають правоучительно-богословскую отповѣдь другой, полную указаній на Соломона и Аристотеля, при чемъ безразлично, кто держитъ отповѣдь: лѣса или солнце — Титанъ. Это нарушеніе вѣроятія не умаляло интереса къ учительному содержанію апологовъ, которое и объясняетъ причины и — границы ихъ сравнительно поздней популярности: извѣстный въ католическомъ мірѣ толкователь св. Писанія, картезіанскій монахъ Діонисій, приводитъ въ разъясненіе притчей Соломона — апологи Кирилла, а Корнеліи а Lapide въ своихъ *Commentaria in Ecclesiasticum* (Antverpiae 1723) нерѣдко «*citat Cyrillum ad verbum*». ²⁾ Не изъ этихъ-ли толкованій, бывшихъ въ большемъ употребленіи въ нашихъ семинаріяхъ, или изъ другаго источника заимствованъ былъ текстъ единственнаго кирилловскаго аполога, извѣстнаго мнѣ въ русскомъ переводѣ? Онъ сохранился на переплетномъ листѣ рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Последній писанъ

¹⁾ Сл. къ мотиву пренія между растеніями. деревьями *Fab. Aesop. ed. Palm* 125 и 385; *Kurz* къ *Burkh. Waldis* I. II, № III: I. III, № LXXVIII.

²⁾ Платоновъ, I. с., стр. 382.

въ 1758 году, текстъ аполога принадлежать современной рукѣ. Приводимъ его параллельно съ латинскимъ подлинникомъ ¹⁾.

Апологи отъ правоученія Кирилла
Александрискаго, книга 4. Г. 1.

I. IV, c. 1: De murilego et porco.

Сѣдящу коту въ нѣкоемъ презрѣдномъ вертоградѣ облизую-
щуся, да отъ прилишняго къ нему
праха очистится, противу ему
тогожде времени въ близъ быв-
шемъ тамо блатѣ свинія валяю-
щаяся глаголаше къ себѣ: «О коль
презныщное мнѣ сіе ложе и мяг-
кая постеля! О коль прелюбез-
нѣйшее мнѣ здѣ пребываніе,
коль велие плоти моеѣ угожде-
ніе, коль пресладкое въ тѣлѣ сѣѣ
увеселеніе! Честнѣе есть горь
Ливанскихъ и источниковъ Да-
масковыхъ (рѣк. Дамосковыхъ)
и Панормитскихъ (рѣк. Пар-
номитскихъ) баннѣй здравѣе».
Коть-же, сіе слышавъ, возне-
годова и рече ко свиніи: «Что се
есть, идѣже лежиши?» Отвѣща
ему свинія: «Блато и калъ».
Тогда котъ ругаяся къ ней рече:
«Вопстину свинія еси, понеже
смаднымъ и сквернымъ утѣ-

Stabat murilegus in splendido
prato, lingendo lingua pellem
suam ut polleret etiam adhaeren-
tem pulverem expiare, sed con-
tra porcus non longe in coeno
foetido, hinc inde perfusus, eu-
tem spinis turpissimam jacta-
tione hujusmodi amplius sordi-
dabat. О, inquit, quam amoenis-
simus mihi lectus et status hic
est dulcissimus, quam mihi de-
lectabilissimus census, quam tam
fruibile balneum carni meae,
aqua refrigerii, stilla roris, trans-
cendens nempe Libani latices,
Damasci et Panormitani fontes
et in bays Ethanicis lavacra
sospitatis. Atque murilegus dum
hoc dicentem in sorde volutatum
audiret, indignatus ad verbum
et abominatus accubitus mente,
voce quoque clariori haec dixit:
de falsitate talis extollentiae
multo magis quam de immundi-

¹⁾ Сл. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV (1862 г.),
Смѣсь, стр. 28: «Апологи отъ правоученія Кирилла Александрискаго,
книга 4. Г. I» (Сообщенъ А. Е. Викторовымъ). — Латинскій текстъ по
изд. Грессе. Объ ethanicis-вм. et hanicis сл. выше, стр. 39.

шасшися и веселишися вещами». Свѣдѣніи-же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты [с]удити мышши твоя. Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «Во правду, якоже впаду, добръ Соломонъ глаголетъ: Не обличай безумна, да не ненави-дять тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устрое-ніемъ естества того ради постав-ленъ есмь, да не излишно дѣють человекомъ накости. И тебѣ скверной, аще разумѣши, отъ того-же естества учишеся есмь (рпк. есть) неправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха. тебе такожде учу очищатися отъ всякой неч-стоты, аще внемлещи словесемъ моимъ. Суждуже творящия лю-демъ накости мышши, егда погнѣ-моими уловляю я и козю, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благопріятна и любезна чистота есть въ душахъ и есте-ствахъ? Онъ бо (ю) себѣ во пре-бываніе вѣчное созда небо (рпк. ибо) пречистѣйшее и миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречи-стаго естества производитъ и плоть младенца, зачехнагося въ

tiei foeditate dolerem, nisi, ut tibi referrem aliquid per elo- quium. parum me direxisses. Quid enim hoc est ubi jaces? At ille respondit: lutum coenum- que. Tunc murilegus increpando adjunxit: bene es porcus, quia delectaris in foetidis, impingua- ris in sordibus et laetaris in rebus pessimis. Cui porcus im- patiens dixit: Vade, judica mures tuos; quid mihi et tibi? At ille: Bene Salomonicum est: Non arguere derisorem, ne oderit te. Attamen pestilenti muri judex auctoritate naturae constitutus sum suus, et tibi immundo, si percipis, natura in moribus cor- rector sum tuus; tē namque lingendo lingua vitare sordes edoceo, si attendis, et illum sci- licet murem judico, cum in maleficiis eum judicialis ungula comprehendit. Vide, quaeso. quam cara est Deo grataque munditia tam animae quam naturae. Ille enim coelum sibi in aeternum paravit mundis- simum et replevit luce clarissi- ma mundum, animam de candi- dato semine generat et puro membra sanguine cibant. mira quidem rutilantia flores germi- nat ac splendenti pluma. squama

утробѣ матерней, чисту воз-
ращасть, пречудными цвѣты
землю украшасть и дражайшія
бисеры отъ глубины моря,
злато же и сребро отъ недръ
земныхъ производить. Почто
убо ты, свинія, в нечистотахъ
улаждаеши? Не вси ли яко
и въ нѣмъ естество, еже отъ
Бога разумомъ почтено, поги-
бають, аще плоть нечистотами
оскверняется? Совѣтую убо
тебѣ, аще хоцещи чисто жити:
бѣгай кала и срада и, шедъ
въ чистую воду, абіе умыйся».
То рекъ котъ ко свиніи нумолча;
а свинія пребыть въ калѣ тин-
номъ, не слушая полезнаго его
совѣта.»

et pellicula carnes ornat. Sic
natura pretiosas gemmas gignit
purissimas et metalla quidem
puritate splendentia parit, et
condit suo diverso modo digesta.
Ut quid ergo in immunditiis
delectaris? Nescivisti, quod,
expulsiva dissoluta virtute,
retentis foeditatibus caro perit?
Et ideo si vitam tantum diligis,
sordes fuge et ad purgativum
mox lavacrum adscende. Quo
dicto requievit».

II.

Слѣдующія бѣглыя замѣтки, накопившіяся постепенно, имѣютъ въ виду не исчерпать всё содержаніе Апологовъ, а лишь обратить вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ, интересные по сюжету либо по культурному матеріалу.

I. I, с. 1. Vulpes decrepita ardens cupiditate plus sciendi quaerendo magistrum, membris gravioribus sui corporis itineris addidit grave pondus. Mox ergo tendenti senectutis infirmitate quidem gravi, sed aviditate sciendi peragili, cum corvus astutior occurrisset, peracto mutuae salutationis officio satis laeta subjunxit: Vere voluntas dei erat, ut mihi occurreret quem volebam. Te namque qui coeli per cardines ambulas et multa consideras, ut me disciplinae sitibundam instrueres, perquirebam. Cui ille

respondit: *sanctae calliditatis antiquata) magistra*. quid amplius quaeris scire? Ноc certe tantum tibi restat peccatum finem habere. Ad haec discipula facta doctrix ita dicitur respondisse: Numquid, frater mi, scriptum est a Salomone: audiens sapiens sapientiam sapientior erit, nisi quod sapientiae non est numerus. Unde semper oportet addiscere et in extremis horis fundum sapientiae desiderabilius indagare и т. д. Первый анологъ сборника тотчасъ-же знакомитъ насъ съ двумя главными, равносильными другъ другу дѣятелями животной саги, знакомою автору: *лисой и ворономъ*. Оба они мудры; какъ въ приведенномъ анологѣ *леса* названа *sanctae calliditatis magistra*, такъ въ I. II, с. 27 также характеристика дается ворону: *Reminiscens corvus priorum facinorum, subtilium fraudum et magnarum calliditatum hinc fastu tumidus et adulationis avidus coepit quaerere auram laudum; леса* обличаетъ его въ самомнѣніи, какъ въ другой разъ (I. III, с. 1) отвращаетъ отъ любостыжанія указаніемъ на его опасности. Анологи не разъ сводятъ ихъ вмѣстѣ (I. I, с. 13), заставляя ихъ помѣряться въ хитрости (I. I, с. 5). Когда на совѣтѣ звѣрей поставленъ былъ вопросъ *quis eorum astutius famaretur.... hinc volatilia corvum, hinc vulpem terrestria, singula quaeque suum prudentia mox exaltare coeperunt.... hinc quidem corvi multiformis dolositatis et versutiae ostensis astutiis, hinc vulpis deceptivae artis igeniis ventilatis quasi juris dignitate singulorum facinora praetulerunt* (I. I, с. 3). — Въ европейскомъ развитіи животнаго эпоса преимущество хитрости и мудрости предоставлено одному Ренару; матерьялъ животной саги, бывшей въ распоряженіи автора анологовъ, указываетъ на болѣе древнюю точку зрѣнія: по индійскому народному повѣрью какъ *ворона* мудрейшая изъ птицъ, такъ *леса* мудрейшая изъ четвероногихъ¹⁾; а Аристотель говоритъ о дружбѣ *ворона* съ *лисою*: Κορυαὶ δὲ καὶ ἀλώπεκες ἀλλήλοις φίλαι (De Animal. l. IX, с. I). Сл. I. I, с. 13: *amicus corvus*.

¹⁾ Сл. De Gubernatis, Zoological Mythology II, p. 252—3.

I. I, с. 4: Въ жаркій день стрекоза дивится, что муравей работаетъ, а не покоится, подобно ей, въ тѣни; муравей её наставляетъ. — Очертанія тѣже, что въ Esop. ed. Halm, 401: сл. Kurz къ Burkhard Waldis I, LXXXIV; Landsberger, Die Fabeln des Sophos, № 35.

I. I, с. 5. Лисца прикидывается мертвой, чтобы привлечь къ себѣ голоднаго ворона; но тотъ догадывается, въ чемъ дѣло, и, бросивъ ей камешекъ на ухо съ словами: scito non minus vidisse corvinum oculum quam vulpinum, принимается уличать её. Что дѣлать? говорятъ она: quandoque dormitat bonus Homerus, id est philosophus; умъ не всегда помогаетъ, какъ и ей въ данномъ случаѣ; sic serpens callidus negligentia periit et mus vigilantia ungulam murilegi astutioris effugit (указаніе на какіе-то анологіи).—Рамка дана извѣстнымъ разсказамъ Физіолога о такой-же хитрой продѣлкѣ лисы. Сл. Колмачевскій, Животный эносъ на Западѣ и у Славянъ, стр. 36 слѣд. Въ одномъ анологѣ Solwan el Mota', ossiano Conforti politici di Ibn Zafer, versione italiana di Michele Amari, с. IV, § 6 медвѣдь точно также прикидывается мертвымъ, чтобы поймать обезьяну.

I. I, с. 8: рыбакъ принимаетъ хребетъ морской рыбы за островъ, на которомъ разводитъ огонь; рыба трогается съ мѣста, а рыбакъ, спасшійся въ лодку, вступаетъ съ чудовищемъ въ назидательную бесѣду. — Преданія о рыбѣ-островѣ см. у Zacher'a, Pseudocallisthenes, p. 147—9; Freudenthal, Die im Talmud vorkommenden Märchen, Orient und Occident III, 2, p. 353—4; сл. Teofilo Folengo, Histoire maccaronique, ed. Lacroix, p. 337 и прим., и Paulus Cassel, Drachenkämpfe, p. 36, 100—1. Въ греч. Физіологѣ у Pitra, Spicileg. Solesm. III, p. 352 (περί ἀπιδρυγέλωνος) китъ похожъ на островъ; корабельники пристають къ нему и вбивъ копыя, привязываютъ къ нимъ корабль; чудовище не трогается; но стоитъ развести на его хребтѣ огонь, чтобъ оно ушло въ глубину, увлекая съ собою неосторожныхъ. Сл. еще Physiol. Syms. с. 30.

I. I, с. 9. *In pleniluniis symeae cordis lactitia exsultanti vulpes*

mox adstitit et haec dixit: indica mihi, soror, ut tecum gaudeam, hujus jucunditatis quae sit ratio et exultationis quae causa. At illa laeta laetanter, ut secum laetaretur respondit: (nimirum) *lunari, quam amo, plena luce nunc fruor*. Сл. I. I, с. 24: *simeam quae in plenilunio gaudet*. Сл. I. II, с. 29. — Лиса вступаетъ съ ней въ преніе, убождая: *illam dumtaxat lucem diligas ac ea fruaris, quae durabilis, invariabilis atque summa*; сл. въ ея рѣчи ссылку на какой-то анологъ: *Sed quid lugenti camelionti de colore aureo mutato in luteum sagax corvus responderit, non audisti? Claude aurum, pone desuper lutum et de caetero tepescit aurum*. Эротъ-ли или другой анологъ разумѣется въ I. I, с. 26: *Non audisti, quod sagax vulpes semel responderit camelionti de adoptione coloris aurei glorianti: quippe ubi non est stabilitas, umbralis est entitas et gloriositas non est vera?* — и въ I. II, с. 21: *Si audisti formicae consilium datum chamelionti glorianti de colore aureo et laetanti, hoc ipsum tibi dictum est: claude oculum et eris in vera gloria stabilitus*. — Хамелеонъ и воронъ, какъ дѣйствующія лица какого-то анолога, упоминаются еще I. III, с. 2: *Quam bene certe chameleon suae carnis cupiditate coraci* (текстъ Graesse: *thoraci*; дрягиря изданія: *corvo*) *ipsum hostiliter infestanti respondit: o, si vitiositatis interjecta caligine nutum prudentiae tibi cupiditas non cessasset, profecto attenderes, quod te, si me possides, perdes*.

I. I, с. 11: свинья удивляется, что волъ вмѣсто того, чтобъ отдыхать, жусть жвачку. Волъ говорить въ защиту жвачки; *tu quidem ergo, carissime, quia non ruminas, impurius suscipis alimentum, et ob hoc divina lege judicaris immundus*. Въ слѣд. № 12 волъ, надъ раздвоеннымъ копытомъ котораго глумится конь, говорить ему: *tu autem, carissime, quia indivisa ungula velociter agitaris, saepe lapsu confunderis, quo nimirum immundum etiam animal judicaris*. — Точно также въ I. III, с. 16 (*De bove et lupo*; сл. I. I, с. 14) волъ говорить волку: *Attende, quod animalia viventia de rapina hinc divina lex, hujusmodi immunda dicens, in holocaustum hujusmodi prohibens eorumque*

esum hominibus interdicens ut maligna damnavit. — Интересъ автора къ вопросу о нечистыхъ животныхъ во всякомъ случаѣ характеренъ. По закону Моисееву чистыми животными между четвероногими считаются лишь тѣ, у которыхъ раздвоено копыто и которые жуютъ жвачку.

I. I, с. 13. Воронъ, желая доставить пищу пріятельницѣ лисѣ, говоритъ курицамъ, что имъ нечего болѣе ея бояться, такъ какъ она постриглась въ монахини; пусть посмотрятъ, какъ она поестъ вечерню. Довѣрчивыя курцы направляются къ ней, но во время остановлены предостереженіемъ петуха. Съ *vulpes* (въ Апологахъ всегда женскаго рода) *monialis* сл. Ренара-монаха средневѣковыхъ барельефовъ, проповѣдующаго гусямъ и обыкновенно пожирающаго ихъ. Сл. Мейсснера у Колмачевского, I. с., стр. 301 слѣд.

I. I, с. 18. Левъ и лиса встрѣчаются съ мышью, первый кланяется ей, вторая едва удостоиваетъ ее вниманія. Позднѣе оба попадаютъ въ тенета, и мышь освобождаетъ изъ нихъ льва, а лису оставляетъ. Сл. *Fab. Esop. ed. Halm, № 256*, гдѣ указанія и на друг. тексты; *Esopus von Burkhard Waldis, ed. Kurz, прим. къ Buch I, XIV Fabel.*

I. I, с. 19. Разговоръ ежа и схины (*De erinacio et viperula*) о дружбѣ. «*Spina.... erinacia—verus et sensatus amicus*»; сл. I. II, с. 21: *mirae prudentiae* (*Isid. Etym. I. XII, с. III: hujus prudentia quaedam est, язъ Ambros. Нехаст. VII*); I. I, с. 24: лиса выкираетъ его въ число спутниковъ своего паломничества, вмѣстѣ съ котомъ, обезьяной, пантерой, *cujus os redolet* и др. Последняя несомнѣнно указываетъ на Физиологъ. См. *Voigt, Ecbasis captivi, p. 58—9 прим.*; *Koloff, Die sagenhafte u. symbolische Thiergeschichte des Mittelalters, въ Rauners Hist. Taschenbuch, IV Folge, 8er Jahrg. (1867), стр. 220 слѣд.*; *Dialogus Creaturarum, dial. 114* (съ ссылкой на Физиологъ) и т. д. Сл. греч. Физиологъ у *Pitra, I. с., III, p. 351—2*, и *Aelianus, De Nat. animal. I. V, с. XI*. Что до аллегорическаго толкованія *ericius = eripaseus*, то въ Физиологѣ оно двойственное: онъ тамъ символъ

дьявола, грѣшника, еретика, двоедушнаго и лукаваго, но также кающагося и прозорливаго (*futuri providens*). Сл. Voigt, I. с. 61 и прим.; Koloff, I. с. 234; Pitra, I. с. 350—1 (греч. Физіологъ) и 73—4 (*S. Melitonis Clavis* и комментарий). Замѣтимъ еще и кота — спутниковъ лисы въ старой слав. сербск. притчѣ у Даничича, *Tri stare priče*, въ *Starine* IV, стр. 68 слѣд.

I. I, с. 21 (*De grano frumenti et lapide*). «*Pretiositatem.... dracontidis perdit draco, cum eo si moritur*. (Сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XIV и Физіологъ Aldhelm'a у Pitra I. с. p. 427: *De cerebro draconis.... draguntia lapis exciditur, sed nequaquam praecisum dicunt, nisi viventi extrahatur. Inopinantes enim uno ictu ad aestum cubantes transvesberantur in capite, et sic adhuc in pleno vigore palpitantibus lapis extrahitur*). Въ I. II, с. 19 (*De burdone et mulo*. Сл. Petri Alphonsi Disc. clericalis V, 4 и прим. Валентина Шмидта): «*de dracone dracontides pretiosissima gemma oritur, de gallo serpentum nequissimus regulus generatur...., aurum de sulphure gignitur*»; сл. III, 7: *In suo vertice splendente dracontide, tantae gemmae draco pretiositate dotatus, cum superbus incederet, inventa quidem hyena dixit: satis certe ambo beneficae regratiari tenemur naturae.... tibi namque oculum mirabiliter ingeminavit caputque meum solis regibus libito insignivit dracontide*. Гиена умѣряетъ его веселье указаніемъ на превратности судьбы: *Nonne Nabuchodonosor, clypeis tractus aureis Salomonis, hostiliter hostis, quam petivit amicam, copiosam argento Iherosolimam spoliavit? — Scuta.... aurea Salomonis* встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ рядомъ съ *Croesi et Asveri opum magnalia* въ I. III, с. 1 (сл. I. III, с. 4: *si totum invenires aurum male conditum Salomonis*), чудесныя глаза гиены въ I. III, с. 2 (*hyenae oculos ingeminasti*) и 5, гдѣ старая лиса наставляетъ молодую обезьяну, что богатство приноситъ несчастье: они идутъ вмѣстѣ и находятъ слона безъ клыковъ, гиену «*luminibus privatam suis*», шѣтуха съ раздробленнымъ черепомъ, ласточку съ распоротымъ желудкомъ, бобра, лишеннаго дѣтородныхъ частей, безхвостаго павлина и оваряннаго ястреба (*vultur*).

Всюду — слѣды человѣческаго любостыканія. донскивавшагося драгоцѣнныхъ камней въ головѣ пѣтуха и желудкѣ ласточки и — глазъ гіены. Сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XV: *hyaenia lapis in oculis hyaenae bestiae invenitur, qui sub lingua hominis subditus fuerit, futura cum praecinere dicunt.* — О драконитѣ еще въ анологѣ II, 25: *Sua gemma draconem necat.*

I. I, с. 24: *De vulpe peregrinante* (сл. выше, стр. 42).

I. I, с. 26: Споръ драгоцѣнныхъ камней: *Gelosia, asbeston, sinoclitcs*, разрѣшаемый карбункуломъ. *Gelosia* хвалится тѣмъ, что «*ab igne minime calefit*» (*Chalazias* у Isid. Etym. I. XVI, с. X, XIII); *asbeston*, что *vix aut nunquam extinguior*; *sinoclitcs*,... *quoniam varietate mirabili cum luna continue cresco et decresco* (= *selenites*, сл. Isid. Etym. I. XVI, с. IV). Къ лапидарію сл. еще I. II, с. 23: *exacontolicus lapis* (*hexacontalithus* Isid. Etym. I. XVI, с. XII), *saphirus, onycha, bius lapis*; с. 28: *chrysopazion splendens in tenebris* (сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XIV: *chrysoprasmus*); I. III, с. 17 (взглядъ совы отпугиваетъ врачебную сплу сафѣра: *contuitus tuus frangit saphirum, qui attactus fugat venenum*) и IV, с. 8 (*saphirus, stella, orbis et animus non generant*).

I. II, с. 6. Обезьяна, подражая моряку, взбирается на мачту, не смотря на предупрежденіе мудраго ворона (*corvus . . . consiliarius*), и оборвавшись ушибается головой; затѣмъ, увидѣвъ царя на престолѣ, сама въ его отсутствіи садится на его мѣсто. *Sed hoc nimirum viso vulpecula venit ad solium et salutato sophistico rege ministra provida ironice flagitavit mandatum. Cui simia dixit: hoc tamen praecipio, laeta gloriam cerne! At illa: egoque consulo sane, hinc quam cito descende.* Дѣйствительно: обезьяну прогнали и натравили на неё собакъ. Лиса спрашиваетъ её, жалующуюся: почему изъ всѣхъ животныхъ она одна желаетъ выдѣлться и сравниться съ человѣкомъ. Обезьяна указываетъ на прирожденное влеченіе и на свое сходство съ человѣческимъ образомъ. Сходство есть, отвѣчаетъ лиса, но *quia haec similitudo in te pervertitur, hinc tua forma fore deformior invenitur. Quid enim bertina facie turpius, planta digitata deformius,*

nudisque natibus foedius...? Въ заключеніи лиса совѣтуетъ обезьянѣ подчиниться волѣ человѣка: онъ накормитъ тебя сластями и *прикроетъ пестрой одеждой* (jocunda veste) *твою срамную наготу*. — Въ I. II, с. 20 лиса хвастаетъ передъ тощею обезьяною своимъ роскошнымъ мѣхомъ и хвостомъ; тебѣ-же не иначе придется быть одѣтой, какъ когда тебя поймаютъ (ut capta sis); въ I. III, с. 5 голая обезьяна завидуетъ лисьему мѣху ¹⁾, а I. III, с. 9 она уже является въ пестрой одеждѣ, но на цѣпи, и на вопросъ лисы о причинѣ ея веселья, «adhuc animi modicitate feminei memorans derisae nuditatis injuriam retroactam simul cum reminiscencia nata ira, vade, inquit, tu olim derisisti nuditatem meam vel paupertatem, intuerе nunc gloriam, quoniam usque ad me divitiarum exundantiam humanarum non minus feliciter quam liberaliter dulcis fuit fontana. Лиса смѣется надъ этимъ счастьемъ, которое куплено потерєю свободы. Аполлогъ 12 той-же III-й книги объясняетъ, какъ это случилось: обезьяна обращается къ скомороху съ просьбой дать ей одежду, чтобъ прикрыть наготу; тотъ не только одѣваетъ её, но и кормитъ медомъ, а та позволяетъ ему надѣть на неё цѣпь. Сл. еще II, с. 11: Simia.... suppletiva arte induitur; II, с. 25: Simia.... dum ornatur, fit turpior et anus ipsius difformior. — Физиологъ также говоритъ о безобразіи безхвостой, человѣкоподобной обезьяны, и даже дѣлаетъ её подобіемъ дьявола. Аполлоги стоятъ, очевидно, на другой точкѣ зрѣнія. Загадочной для меня является дважды повторяющаяся подробность (сл. выше, подъ I. 1, с. 9): объ обезьянѣ и *полнолунии*. Сл. Artemidori Onirocriticon, I. II, с. XII: Κυνάρχαλος τὰ αὐτὰ τῷ πιδήκῳ σχημαίνει.... ἀνάκειται γὰρ τῇ Σελήνῃ (ed. Hercher, p. 104).

I. II, с. 9: овца, наскучивъ тиранніей пастуха, ищетъ свободы бѣгствомъ. Олень, указавъ ей на грозящія ей опасности, побуждаетъ её возвратиться.

¹⁾ Сл. басню объ обезьянѣ, попросившей у лисы полнолуны ея хвоста, Kurz къ Burkh. Waldis, I. N. XII и Oesterley къ Romulus III, 17.

1. II, с. 11. Лиса, «*magistra fallaciae*», заманиваетъ къ голодному медвѣдю лань обѣщаніемъ, что онъ сдѣлаетъ ей рога (*ad magistrum te dirigam jam expertum*). Олень, встрѣтившійся ей по дорогѣ, спрашиваетъ еѣ: *quo vulpinam sequeris caudam?*, и узнавъ, въ чемъ дѣло, останавливаетъ еѣ такимъ рассказомъ: *propter cornua ursus dedit quiete virtutis auriculam, cave, ne tu deterius amittas pellem et vitam. Ursus namque interrogatus a lupo, ut quid faciem pronam ferret, respondit: quia habeo debile caput. Cui lupo ait: muni ipsum cornibus, his ergo caput armavit natura bovinum, vade ad hominem artè dotatum et ponet. Quo invento magister ait: solve pro labore, volo hoc, quod dare non noceat; si brancham peterem, non dares, da mihi aures et nil tibi nocet. Quo volente scidit eas et ferens malleum, ut perforaret cranium ejus, audivit: fatuusne sum, ut perfores mihi caput? Qui ait: aliter tibi cornua non ponuntur. Tunc ursus abbreviatis auribus inquit: bene enim fatuus qui cornua cupit, perdit enim, ut video, caput discretionis et aures quietae virtutis. Et sic abscissis auribus sine cornibus abiit illusus.* Сл. указаніе на ту-же или сходную басню въ 1. II, с. 17: *dicam illud quod olim bos urso inquit appetenti cornua: amice, bona sunt cornua, sed non tibi.* — Въ греческой баснѣ (Halm 184; сл. Kurz къ Buck. Wald. I, XCIII) верблюдъ, завидуя быку, проситъ роговъ у Юпитера, который, въ наказаніе за неумѣстную просьбу, укорачиваетъ ему и уши. Такъ и въ талмудической баснѣ у Landsberger'a 1. с. р. XLIV—V. — Съ лисой, увлекающей лань въ медвѣжьё берлогу, сл. известную басню въ *Gesta Theodorici*: о лисѣ, заманивающей оленя ко двору льва.

1. II, с. 12: (*De nube et terra*) споръ тумана (облака) и земли. Интересны слѣдующія подробности: связь восточной и правой стороны; адъ на сѣверѣ: *ex magna quidem providentia conditoris superbiorum habitabilis locus aquilonari polo supponitur.*

1. II, с. 15. *De gallo et vulpe.* Пѣтухъ поетъ, сидя на деревѣ, лисица выражаетъ свое изумленіе, пляшетъ отъ восторга, проситъ поцѣловать его мудрую голову, и схвативъ, съѣдаетъ. —

Сюжетъ разобранъ Колмачевскимъ, l. c. p. 93 слѣд.; ближе всего подходитъ нѣм. переводъ *Directorium humanae vitae* Іоанна Кануанскаго, (l. c. 100).

l. II, c. 21. Бесѣда павлина и ежа (*De pavone et erinacio*). Указаніе на апологи: *Memento, quaeso, quod basilisci oculus occidit, quia et dicam tibi illud, quod olim simiae, se in eo cernendo lucescere gratulanti, inquit vulpes: gaude magis quod es, et nequaquam quod in luce similitudinis specularis appares.... Non audisti, quod tigris velocior raptos catulos perdidit, quia fixo quidem oculo in semita in speculo sui mirando similitudinem jam eos invenisse putavit?*

l. II, c. 22: *De struthione et corvo* (ср. l. II, c. 4: *de struthione et gallina*): о страусѣ, пробующемъ летать. Указанія на два апологи: *non audisti, quid mus responderit talpae de oculis glorianti, habere quippe oculum et non verum monstruosa caecitas est?...* Similiter autem superbientem ex sexu taliter *equa mulum* confundit: nimirum apparentiae sexum habes, sed cares existentiae fructu, adulterina conjunctione plantatus (ср. а) l. III, c. 2: *De talpa contra naturam*; б) l. II. c. 5 и 19).

l. II, c. 25: похвальба павлина и обличенія ворона. «*Amens ergo gloriaris in umbra, sed sicut aureus circulus in naribus* (Graesse: *auribus*) *sordidae suis, sic carnis luciditas cum ignavia mentis*». Извѣстное изреченіе Соломоновскихъ Притчъ (XI, 22: *ὡς περ ἐν ὥτιον ἐν ρίνι ὄρε, οὕτως γυναικὶ κακότητος καλῶς*), распространенное въ цѣломъ рядѣ примѣненій. Слпч.

Пчела 1623 г., по ркп. Спн. библ. Слово Давида Заточника (Русск. № 314. Бесѣда, стр. 106).

Не лѣпо въ ноздри [свинѣи] Не лѣпо усеразъ златъ въ оусеразъ златъ, нп на безумномъ ноздри свѣинѣи нп на холопехъ нп на холонѣ добрыа порты, добрыи портъ. Аще бы котлу аще. бо бы оу котла златал золоты ко'на во ушнѣ, на дну дуа, а дну его нп черноти не его не избытѣ черноти и жже- избытѣ, такъ и безумну и хо- нія его — такожь и холону. лону оукора.

[Сл. въ поученіи Акира Анадану: ты похожъ на *свинью*, которая пошла мыться въ банѣ съ боярами, но предпочла банѣ первую лужу, встрѣтившуюся на дорогѣ.... ты подобенъ *котлу*, къ которому прикованы золотыя кольца, дно же его не избавится отъ черноты: «сыну, былъ ты еси якоже котлу прикованъ: золотѣ кольца, а дну его не избыти черноты». Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 79—80. — Ркп. Волоколамскаго монастыря, № 662, начала XVI в. (Кирила Философа): Братіе мой, котла аще быша были златыя кольца въ оушью, а дну его черноты не избыти. тако и холопъ, аще бы наче мѣры величал'ся и гордил'ся, а имени ема не избыти холопъ¹⁾]. — Изъ слова святаго Козмы презвитера: «и *стражеть святое евангеліе* въ руку ихъ (еретиковъ)...., акы златъ усерязъ свиньи во ртѣ» (Православный Собес. 1864, II, 99—100); «и какъ золотыя серги въ ноздрахъ у свиньи, такъ и злой жепѣ *красота*» (Буславъ, Очерки I, 587: изъ Синодальной Палаты XVII вѣка). Сл.: bous d'or en gruing de porc (Guarnier de Pont St. Maxence, Vie de St. Thomas, v. 2769, сл. Romania, № 6, p. 240 прим.).

I. II, с. 26: Воронъ и Соловей: о пѣніи. Музыкальные инструменты: Nonne sapidius folles in organis canunt et in psalterio plectrum, in figella (fidella, vitella = vielle?) pilus et in cithara mortuum intestinum?

I. III, с. 3. Крокодила убиваетъ scrophilus (птица). Смѣшеніе *τροχίλος* (птицы) и пхневмона = ила. Сл. Aelian. VIII 25, Aristot. 335; Athen. IX, 10 Phile 76; Plin. VIII, 37. Упомянуты: Діогенъ и Александръ Македонскій, философъ Stilbon и Димитрій. — «An ignoras quod post Darium maximo, cum Democriti praeceptoris sui opinionem ei comes Ausquardus (sic) exposuit de pluralitate mundorum, gemitum donanti Macedoni

¹⁾ Сл. Вас. Рождественскій, Притчи съ именемъ Кирила Философа, Чтенія въ Общ. любит. Духовнаго Просвѣщенія 1881, Дек. стр. 581—2, см. 583—4, 585. Изслѣдованіе Рождественскаго касается вопроса о нашихъ Апологахъ, но не даетъ ничего новаго къ ихъ разрѣшенію.

Alexandro: heu me, quia post tot labores invidos lactalesque casus nondum eorum potitus sum uno! ¹⁾).

1. III, с. 4. Разговоръ богача, желающаго еще болѣе разбогатѣть, съ Фортуной. Упоминанія: Non audisti olim, quid Apollinis idolum pastori per achatem lapidem regni Lydiae facto regi sciscitanti, si quis in mundo superesset felicior, deliciosas confutans divitias respondit? Mox enim superbienti Gygi Zophidium Achadium senem pauperem praetulit....

1. III, с. 8. Разговоръ лисы, страдающей водянкой, съ ласочкой (mustela). Лиса напоминаетъ ей qualiter olim dente tuo vitam de laqueo mortis quasi noviter renatam rapuerim. Сл. 1. III, с. 11 (ласочка совѣтуетъ голодной лисѣ, пролѣзшей въ амбаръ, не слишкомъ наѣдаться, чтобы не застрять въ щели при выходѣ) и 1. IV, с. 4 (ласочка, какъ совѣтница лисы). Это — мотивъ Эзоповской басни (Halm 31 и 31 b; Babrios 86; сл. Édélestand Du Méril, Poésies inédites du moyen âge, p. 134, прим. 3 и 4; Kurz къ Burkh. Waldis I, XLIV), о распространенности которой см. у Колмачевского, 1. с. p. 149; сл. еще Landsberger, 1. с. p. LX—LXI.

1. III, с. 10. Пѣкій юноша, услышавъ о золотыхъ горахъ въ Индіи, отправляется туда, влекомый любостыжаніемъ. Его останавливаетъ gymnosophisticorum (у Graesse: Gigno sophisticorum!) quidam...: si grifes appropinquare te viderint, jam pro auro perniciem habebis.... Smaragdinas namque gemmas arenulasque aureas Sithiae hosque montes grifes possident ²⁾. Отчаяніе юноши и утѣшенія старца (на тему: что есть высшее благо?);

¹⁾ Сл. Nicolai Pergameni Dialogus Creaturarum, ed. Graesse, dial. 82, p. 228—9: Narrat Valerius libro VIII°, quod, cum Alexander audisset ab Anaxarcho comite suo ex auctoritate Democriti sui praeceptoris praecipui, innumerabiles esse mundos, heu me, inquit, miserum, qui nec uno adhuc potitus sum.

²⁾ Сл. о грифахъ Dialog. creat., dial. 87 (съ ссылкой на Isidor. Etym. XII°).

«bragmani ut libera tranquillitate civiliter versarentur, aurum totaliter a suis finibus abdicarunt, et brabitaе, civilitatis cultores, ne usu ejus polluti avaritia corrumpere[n]t acquitetem et salutarem pacem perderent, ideo in terrarum profundum abjiciunt hujus genus metalli, cum emunt. — Подробности о чудесахъ Индіи, о брахманахъ и гимнософистахъ напоминаютъ Палладіево Περὶ τῶν τῆς Ἰνδίας ἔθνων καὶ τῶν Βραχμάνων и соотвѣствующій эпизодъ Псевдокаллипоса; индійскіе грифы, стерегущіе золото, перешли изъ разсказа Ктезія къ Павзанію и Эліану; сл. еще Геродота III, 116; IV, 13.

1. III, с. 12. De simia et histrione (сл. выше, стр. 53). — «Muneribus excaecatus tam admirabilis Balaam periit, muneribus judicialis sedes domus Jacob depravata liberis Samuelis Israhel in praejudicium cecidit. Muneribus corrupto senatu dudum florido, sicut providerat princeps, ingravata murmuratione Romana gloria transivit. Etenim cum emptis iniquo munerum pretio datoribus legum fratricida ingratisissimus et nequam praedo justificatus fuit, tunc Iusticia recessit a Roma et converso ad eam vultu clamavit et dixit: O urbem venalem et matrem tradituram, si inveniret emptorem!

1. III, с. 14. De sanguisuga et formica (пѣвка, напившійся болѣной крови, околѣваетъ; такъ и драконъ отъ крови слона).

1. III, с. 18. Бесѣда паука и шелкового червя; онъ названъ: *doctor liberalitatis*; сл. 1, III, с. 20 (De vermiculo faciente scricum): *vermiculus liberalis*; сл. еще III, с. 22 (sic *liberalis vermiculus viscera propria in beneficium cuncta dedit*). *Doctor liberalitatis* отзывается какъ-бы арабскимъ стплемъ.

1. III, с. 22. De die et nocte. Упоминается Антигонъ, отказавшій просителю (Cineo) въ талантѣ, и щедрость Александра Македонскаго.

1. III, с. 26. De vipera et ejus filiis. Извѣстныя баснословныя подробности Физіолога о зачатіи и рожденіи эхидны (Pitra, I. с. р. 347: греч. Физіологъ). Сл. эпизодически с. 25 и IV, с. 7, 8 (De phoenice et vipera) и 10 (De vipera et elephante).

Эхиднѣ противоположаются фениксъ и слонъ, какъ образцы чистоты, *castitas*. О слонѣ и эхиднѣ по Физиологу сл. Koloff, l. c. 222 слѣд., 262—3.

l. III, c. 27; сл. l. IV, c. 3. De cane et lupo. Мотивъ отчасти эзоповскій (Halm, № 231; сл. Колмачевскій, l. c. p. 145).

l. IV, c. 2: De porco et vulpe. Мотивъ разговора напоминаетъ Бабрія (F. 37, Halm 163) и соответствующія индѣйскую и еврейскую басни. Landsberger р. XXXIV слѣд., Benfey, Orient u. Occ. I, 2, p. 360—1.

l. IV, c. 9. Преніе розы, лиліи и фиговаго дерева. Восторженная похвала «святой дѣвственности» вложена въ уста розы и лиліи: *sancta virginitas ipsum naturae et virtutis est germen pretiosissimum, flos amoenissimus et splendor clarissimus, fructus dulcissimus, decor praestantissimus, odor suavissimus, valor totus.... Ut rosa igitur fragrans et lilium rutilans est sancta virginitas, flos et fructus, ad cujus quidem fragrantiam unicornis tractus suaviter currit, cujus dulcedine ferocitas mansuescit, cujus puritate ejus tam valida delectata potestas quasi victa in nitido gremio virginali reverentialiter prostrata recumbit.* Инорогъ, умиротворяющійся на лонѣ дѣвственницы — пѣвѣстный по Физиологу символъ Христа (Koloff, l. c. 226; сл. Pitra, l. c. 355—6: греч. Физиологъ; *ibid.* p. 57—8: Melitonis Clavis и комментарий).

Вопросъ объ авторѣ Апологовъ по прежнему остается открытымъ. Выбирая изъ нихъ матерьялъ животной саги и физиолога, историческаго анекдота и бытовыхъ данныхъ, я лишь желалъ указать на группу вопросовъ, отъ освѣщенія которыхъ зависить, быть можетъ, и разрѣшеніе общаго. — Не лишеными значенія представляются пока два общихъ наблюденія, которыя мы могли сдѣлать: уравнированныя роли ворона и лисы, напоминающія восточную животную сагу и — принципъ вводныхъ апологовъ (I. 9, 26; II, 11, 15, 17, 21, 22; III, 2, 7), указываю-

щій на обычный планъ восточныхъ сборниковъ (Панчатантра и ея истоки и переводы) либо тѣхъ, которые составлялись подъ ихъ вліяніемъ (Solwan el Mota' сициліанскаго арабскаго писателя XII вѣка Ibn Zafer'a; Raimon Lull). Подъ вводнымъ апологомъ и разумѣю то его употребленіе, когда онъ является орудіемъ убѣжденія или отповѣди въ устахъ лица, дѣйствующаго въ другомъ апологѣ или разсказѣ. Въ нашемъ текстѣ эта популярная на востокѣ литературная рамка обыкновенно является не развитою, дѣйствующія лица указываютъ лишь въ общихъ выраженіяхъ на *знакомое* содержаніе басни; но въ одномъ случаѣ (II, 11) мы имѣемъ дѣло съ такимъ-же точно развитіемъ, какой встрѣчаемъ напр. въ пересказахъ Панчатантры: лиса завлекаетъ ланя въ медвѣжью берлогу, а олень останавливаетъ её не увѣщаніемъ, а конкретнымъ апологомъ: о медвѣдѣ, домогавшемся роговъ и лишившемся ушей. Въ *Gesta Theodorici*, составленныхъ въ Италіи, пріятель его Птоломей, не имѣя возможности прямо предупредить его о коварныхъ замыслахъ императора, точно также прибѣгаетъ къ апологу, который съ умысломъ разсказываетъ въ присутствіи посланца Теодориха: объ оленѣ, завлеченомъ въ лѣвную берлогу хитрой лисою. Подобное-же литературное употребленіе вводнаго аполога встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ памятникѣ, который, сколько помнится, еще не былъ привлекаемъ къ исторіи средневѣковой басни — и также принадлежитъ Италіи. Я имѣю въ виду *Liber de obsidione Anconae* (Muratori, *Rer. Ital. Script.* t. XI), написанный флорентійцемъ Boncompagni, профессоромъ въ Болоньѣ съ 1218 г., авторомъ цѣлаго ряда сочиненій по реторикѣ. — Въ 1172 году имперское войско подъ начальствомъ Христіана, архиепископа Майнцкаго и канцлера имперіи, осадило Анкону.

Cap. V. Qualiter ivit legatus civium ad Cancellarium. Porro Anconitani fame valida oppressi quemdam sapientem virum ad Cancellarium transmiserunt, immensam promittendo pecuniam, si vellet ab obsidione cessare. Ille autem hoc audito subridens ait: En offerunt nobis Anconitani pecuniam, quam habemus et habere

videmur. Sed dicimus tibi quod merito posset inter fatuos reputari qui haberet totum et requireret partem. Ediscite tandem parabolam istam, quae sapientis indiget explanatione.

Cap. VI. Quaestio Cancellarii facta illi legato. Quidam venator non cum paucis canibus intravit maximam sylvam, in qua reperit Leonam, quae dominari pluribus animalibus videbatur. Hanc non modico tempore insequens, multos canes amisit, et vestimenta propria dilaniavit. In spelunca demum ipsam reclusit, ubi fame taliter angebatur, quod manus non poterat evadere venatoris. Rugiebat in fine, volens cum venatore componere pro ungula pedis. Consuleres igitur venatori, ut pro ungula dimitteret Leonam? — Ille autem excogitavit aliquantulum, quid Cancellario responderet; postmodum verò in hunc modum sic respondit:

Cap. VII. Responsio legati. Si venator, qui sylvam intravit, meis deberet consiliis acquiescere, non dimitteret pro ungula Leonam; sed si vellet cum ungula summitatem traderet aurium, consulerem venatori facere pactum, quia breviter habuisset totius corporis potestatem.

Cap. VIII. Quomodo legatus aliam posuit quaestionem. Contigit quippe multotiens quod qui totum requirit, partem amittit, sicque diuturno labore privatur. Nam cum aucups quidam rete pro columbis in agro tendisset, more solito escam projecit, ad quam capiendam VII columbae venerunt, pro quibus expandere noluit rete, credens illas, quae in arboribus residebant, comprehendere cum illis. Expectavit diu, et ecce supervenerunt falcones volitando per aërem et sic VII quae jam ceperant escam fugerunt. Tutius ergo fuisset aucupi VII comprehendisse columbas, quam sic rediisse domum oneratum labore.

V.

ПОВѢСТЬ О ВАСИЛІИ КОРОЛЕВНѢ ЗЛАТОВЛАСОМЪ ЧЕШСКІЯ ЗЕМЛИ
И НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Акад. А. Θ. Бычкову удалось недавно открыть въ одномъ сборникѣ Имп. Публ. библіотеки списокъ повѣсти, которая, со времени Снегирева, не была доступна по рукописямъ ни А. Н. Пышину, ни послѣдующимъ за нимъ ученымъ. Изданіе г. Шляпкина¹⁾, познакопившее насъ съ содержаніемъ повѣсти, позволяетъ отнести её къ тому западному литературному теченію, которое принесло къ намъ и Римскія Дѣянія, и Брунцвика и Аполлонія Тирскаго и т. п. Какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь, вѣроятно посредство Польши; разумѣется, имена Мечислава = Мстислава = Станислава (безразлично употребляемые для обозначенія одного и того-же лица, чешскаго короля) ничего не говорятъ ни за польскій пересказъ, ни за чешскій оригиналъ: рядомъ съ Мечиславомъ стоитъ романическое Полимистра; воспоминаніе о старыхъ историческихъ сношеніяхъ Чехіи съ Франціей исчезаютъ за измышленіями сказочнаго характера и позднѣйшаго повѣствовательнаго стиля.

Языкъ перевода крайне нестрѣй: рядомъ съ сенаторскими и рыцарскими дѣтми — «поклисаріи» и откровенность народной пословицы.

Повѣсть заявляетъ себѣ «притчей» съ самаго заглавія: «Притча яко невѣстамъ девицамъ и юнымъ вдовцамъ хотящимъ посягати за мужъ не довѣсть жениховъ своихъ злословити и присланныхъ о(тъ) нихъ безчеститъ». — «Бысть в древнія времена лѣта в нѣмецкихъ рекахъ въ чешской земли во градѣ Прагѣ

¹⁾ Изд. въ Памятникахъ древней письменности и искусства, СПб. 1882.

король племень Мечиславъ» (дальше: Мстиславъ, Станиславъ), у него сынъ красавецъ, «Василій Златовласый». Когда пришло ему время жениться, отецъ ищетъ ему подходящей невесты, а гость Василій указываетъ царевичу на Полimestру, дочь французскаго короля Карлуса: она «красотою лучше тебя и разумомъ подобна тебѣ во всемъ». Царевичъ проситъ отца послать къ ней «поклосарей, свѣтъ сватовъ», но тотъ сомневается въ успѣхѣ: «Французское королевство издавна велико и славно и честно и богато, а наше королевство предъ нимъ мало и убого и неславно и французской народъ не дастъ за тя, лишь срамоту примешь себѣ и мнѣ и поклосаря наши бездѣльны возвратятся». Темъ не менѣе онъ предоставляетъ сыну дѣйствовать по своей волѣ: сваты отправлены съ письмомъ и дарами, между прочимъ съ драгоценной чашей, назначенной королевнѣ, на днѣ которой было написано: «королева государыня, прекрасная Полimestра, прими сію чашу и поди за меня за королевича Василія Златовласова». — Поклосаря приняты честно, но когда Полimestра прочла написаніе въ чашѣ, бросила её о помостъ «п рекла выкладъ спиче: не терть-де (не) колачь, не мять-де не ремень, не тотъ-де саногъ не въ ту-де ногу обушь: садится лычко къ ремяшку лицомъ, понять-де хочеть смердовъ сынъ королевскую дочь: никогда-де того не будетъ еже смердову сыну королевскую дочь понять». Въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ и король, «поклосаря-же возвратишася посрамленны».

Опечалился Василій Златовласый, проситъ отца отпустить его во Францію, «отмстить смѣхъ свой королю Карлусу и дочерн его королевнѣ Полimestрѣ». И на этотъ разъ отецъ отговариваетъ его, но волъ съ него не снимаетъ. Снарядивъ корабль съ великими дарами, королевичъ беретъ съ собою гостя Василія и тридцать отроковъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей: все они будутъ матросами и одинаково называться Васильями, гость Василій хозяиномъ, онъ самъ — его рабомъ. Когда они пріѣхали во Францію и пристали «на берегу града», король велѣлъ Василію-гостю быть у себя и посадить его съ собою за столъ.

а тѣмъ временемъ «кравецъ Василій на кораблѣ началъ въ гусли играть отъ премудрости своея зѣло дивно, яко никто отъ чловѣкъ юныхъ тако не умѣетъ играть; и какъ заигра въ гусли, то вся во градѣ и на дворѣ королевскомъ танцовать стали». Узнавъ, что то играетъ «рабъ» гостя Василя, король велитъ позвать его, но тотъ повинуется лишь приказу своего господина. Явившись, онъ начинаетъ играть на гусляхъ, «и король и кралева сво и вси ту предстоящии начаша танцовать»; снова заигралъ, и всѣ плясавшіе заснули. Тогда вышла къ нему королевна, дотолѣ любовавшаяся на него изъ другого покоя, и сказала: «Играй, Василій! Онъ же, увидѣвъ ее, зѣло возрадовался душою, яко такова прекрасна, како возвѣстилъ ему о ней гость Василій. И рече ей королевичъ Василій: Государыня, прекрасная кралева Полмистра, позволь пойти во свою комнату, аще не изыдеши отсюду, не буду играть; батюшка твой пробудется отъ сна и мати твоя и тебя ту узрять, и тогда ты срамоту припмешь. а язъ гнѣвъ прииму отъ батюшки твоего. И тако кралева Полмистра пшедъ воиъ изъ палаты». Тогда королевичъ опять принимается играть, и всѣ проснулись.

Королю такъ понравился гусельникъ, что онъ предлагаетъ гостю Василю — продать ему его. «Цѣна сему отроку такова», говоритъ, послѣ долгаго отиѣкпванія, гость Василій: «поставь его на златомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цѣна». На этомъ сошлись. Оставшись при королѣ, Васька гусельникъ проситъ его, по нѣкоторомъ времени, отвести ему по близости, мѣсто, гдѣ ему построятся, чтобы близко было ходить играть ко двору. Король далъ ему мѣсто на строеніе и десять тысячъ червонцевъ; къ нимъ Василій присоединилъ своихъ денегъ болѣе того, и вскорѣ выросли каменные палаты на диво, лучше королевскихъ; «и постропилъ одну палату, гдѣ опочивъ ему держати, изъ стеколъ зеркальных, и мостъ изъ стеколъ-же зеркальных; а въ ней устроилъ и кровать себѣ изъ стеколъ-же зеркальных лучше кровати королевскія и покры мостъ въ спалиѣ сукномъ краснымъ кармазиннымъ».

Въ палаты онъ перевелъ съ корабля своихъ тридцать отроковъ, а гостю Василию велѣлъ оставаться на кораблѣ.

Каждый день ходилъ онъ играть къ королю и королевѣ, которая начинаеть подозрѣвать, что онъ не простаго рода и, желая вывѣдать отъ него тайну, поднаиваетъ его. Но Василій замѣтилъ ея намѣреніе, впоно выплываетъ въ сторону, а самъ, прикинувшись пьянымъ, проситъ королевну дать ему провожатаго до дому, который донесетъ-бы за нимъ его гуси. Королевна отпускаетъ съ нимъ одну изъ своихъ дѣвицъ, которой Василій показываеть свои палаты и сокровища; «токмо единого полу хрустальнаго не показа ей подъ закрытіемъ сукна». Дѣвица изумляется: «откуда таково красованіе и строеніе палатъ взято и за какіе малые дни устроено, яко и у самага короля таково строенія нѣтъ». Василій, очевидно, не простаго рода; онъ даритъ ей, вынувъ изъ чпага ¹⁾, золотой перстень и отпускаетъ домой. Та все пересказала королевѣ. Когда на другой день Василій опоздалъ приходомъ къ королю, онъ объясняетъ это тѣмъ, что поздно игралъ у его дочерп, явился домой хмѣльной и проспалъ. Страшный сонъ онъ видѣлъ: «Кабы, государь, чрезъ твой королевскій дворъ шла елениа зѣло изредна и пришла на той дворпшко, азъ же даровалъ ей златый перстень, изъ двора спустилъ, она же пакп пошла чрезъ твой королевскій дворъ». Король говоритъ, что сну этому нечего ужасаться: «сонъ твой добръ есть, аще сбудется».

Слѣдуетъ новая попытка Полпмстры подпоить Василія, котораго на этотъ разъ провожаетъ другая дѣвица. Тѣже подробности, подарокъ (золотая цѣпь) и тотъ-же сонъ, только елени была «лепшія той елени во всемъ, пже въ прежней ноци видѣлъ».

На третій разъ сама королевна пзъявляетъ желаніе побывать у Василія, когда дѣвицы успокоили её, что она не приметъ отъ

¹⁾ Слово чпагъ г. Шляккинъ посвятилъ въ предисловіи небольшую замѣтку. Сл. тоже слово въ житіи Пифонта, Разысканія VII 205: очевидно — мѣшокъ, кошелекъ, а не ковчегъ.

него никакого «безчестія». Одна изъ дѣвицъ облеклась въ ея одежды и, когда подгулявшій будто-бы Василій попросилъ себя провожатаго, мнимая королева велитъ Полместрѣ, явившейся на этотъ разъ въ роли «дѣвицы», сопутствовать гусельнику. Василій показываетъ ей свои палаты, вводитъ въ спальную, гдѣ, снявъ сукно съ стекляннаго полу и раздѣвъ королеву до-нага, припимается бить её нагайкою, приговаривая: вотъ тебѣ не терть не калачъ, не мять не ремень и т. д. По тѣмъ словамъ Полместра познала Василія Златовласаго. Она проситъ у него прощенія, молить пощадить по крайней мѣрѣ ея дѣвственность; онъ отвѣчаетъ: «аще сего не сотворю, не имашь мнѣ быти кралева и не пойдешь за мене, понеже не есть отомщенъ смѣхъ твой». Лишь сотворивъ съ ней свою волю онъ отпускаетъ её отъ себя, подаривъ ей драгоценный вѣнокъ. — На другой день Василій рассказываетъ королю о заторогой ланп, видѣнной имъ во снѣ: будто онъ ее поймалъ и билъ довольно и кожу содралъ, и возложивъ на главу ея вѣнецъ, отпустилъ, а она побѣжала черезъ королевскій дворъ. Король опять успокаиваетъ Василія, а самому приходитъ въ голову: что это онъ часто сны видитъ? не затѣваетъ-ли что противъ меня?

Между тѣмъ Василій тайкомъ уѣхалъ на кораблѣ въ свою землю, а на вратахъ двора своего прибилъ письмо, въ которомъ объявилъ, кто онъ и какъ отмстилъ королевнѣ Полместрѣ. Та во всемъ повиновалась отцу. Три раза посылаетъ онъ поклисарей въ Чешскую землю, моля Василія пріѣхать и взять за себя его дочь; лишь на третій разъ склоняется Василій на просьбы. По смерти Карлуса онъ становится французскимъ королемъ. — и Чешскимъ, по смерти отца; первое королевство онъ оставляетъ въ наслѣдіе сыну своему Карлу, второе другому сыну Александру.

Имена эти, равно какъ и имена главныхъ дѣятелей повѣсти, принадлежать, вѣроятно, ея псковому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненіе и нѣкоторые неясно разсказанные ея эпизоды. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный

поль, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь-же диковинною свирѣлю, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, далѣе ничѣмъ не мотивирована, какъ остается необъясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями.

Большая часть этихъ недоумѣній разрѣшаются слѣдующими сказками: *о хитрой дѣвѣ*.

Въ сказкѣ № 116 b у Лоанасьева царь отправляется свататься за Елену прекрасную; съ нимъ его совѣтникъ *Никита Колтома* (въ № 116 a: Котома, дядька царевича), берущій съ собою «двѣнадцать добрыхъ молодцевъ: ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ»: *дванадцать Микитъ* въ сказкѣ у Худякова (ск. III, № 120). Въ № 116 c вмѣсто Колтомы названъ Иванъ Голой, отправляющійся съ царевичемъ (сл. Ивана Голяка въ малорусск. сказкѣ у Кулиша, Зап. о Южной Руси, II, стр. 59 слѣд., и въ сборникѣ Чубинскаго, отд. I, № 60); въ тождественной сказкѣ № 133 царевичъ ѣдетъ свататься за Елену прекрасную, его помощникъ *Иванъ купеческій сынъ* (= Василій гость въ повѣсти), съ нимъ «дванадцать человекъ, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ штые»; «ихъ всѣхъ зовутъ *Иванами*» — и ихъ роль понятна: *хитрая* царевна ставитъ условіемъ брака — разрѣшеніе ея загадокъ и исполненіе мудреныхъ порученій: дѣлаетъ то и другое, за царевича, его слуга, Иванъ купецкій сынъ; догадавшись въ чемъ дѣло, царевна изъявляетъ желаніе видѣть слугу Ивана, но оказывается, что у царевича всѣ слуги — Иваны, всѣ одинъ, какъ другой, и ухищренія дѣвушки — заставитъ настоящаго объявиться или проговориться, не достигаютъ цѣли.

Первоначальная роль Василія-гостя и молодцевъ Васильевъ опредѣляется аналогіями указанныхъ сказокъ, въ которыхъ я

отмѣчу еще слѣдующія черты: въ № 133 Иванъ-Купеческій сынъ = Котома-Иванъ № 116 добываетъ на пути къ невѣстѣ три диковинки, которыя далѣе являются пригодными при сватовствѣ: шапку-невидимку, коверъ-самолѣтъ и саногн-сороходы; въ стихотворномъ пересказѣ у Рыбникова, III, № 57, достойно становящемся рядомъ съ сказочной былинной о Подсолнечномъ царствѣ¹⁾: шапочку невидимочку, скатерешочку-хлѣбосолочку и коверъ-самолетный. Въ этой связи могъ первоначально являться въ № 116 б Аѳан. и чудесный свистокъ, отъ звука котораго всё ходитъ ходуномъ, и свинки въ стадѣ принимаютъ плясать; въ записанномъ варьянтѣ этотъ эпизодъ едва-ли не попалъ не въ свое мѣсто, уже послѣ разсказа о сватовствѣ, съ которымъ онъ первоначально могъ быть связанъ. Укажу на аналогію, представляемую № 131 Аѳан.: Иванъ достаетъ у сѣдаго рогатаго старика гусли-самогуды, подъ звуки которыхъ пляшетъ его стадо. «Ванька сидитъ на пенькѣ да играетъ въ гусли самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царица свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ: Пусть сама придетъ! — Приходитъ царица: Пастухъ, Пастухъ! Продай мнѣ свинку! — У меня свинки не продажныя, а завѣтныя! — А какой завѣтъ? — Да коли угодно, царица, свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». — Царица согласилась, и пастухъ могъ замѣтить на правой ногѣ у ней родимое пятно. Впослѣдствіи отецъ царевны обѣщаетъ отдать еѣ замужъ тому, кто узнаетъ на ней примѣты; пастухъ явился естественнымъ отгадчикомъ. Сл. W. v. Schulenburg, *Wendische Volkssagen etc.*, p. 66—9. — Жениха — свинюху мы встрѣтимъ въ одной изъ версій разсматриваемаго далѣе сказочнаго типа.

Нѣкоторыя подробности Повѣсти выяснились изъ приведенныхъ выше сказочныхъ параллелей; ея дидактическая цѣль:

¹⁾ См. мою статью: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, Апрель.

«яко не вѣстамъ, дѣвицамъ.... не довѣсть жениховъ своихъ злословити» ставитъ еѣ въ рядъ многочисленныхъ западныхъ сказокъ: *о разборчивой невестѣ* ¹⁾.

Въ нѣмецкой сказкѣ (Grimm № 52: König Drosselbart и варьянты) горделивая царица отказываетъ всѣмъ женихамъ,

¹⁾ Ея библиографію см. у Grimm'овъ прим. къ № 52; Афанасьева, прим. къ № 132; R. Köhler'a, прим. къ Sicilianische Märchen, von Laura Gonzenbach № 18; Pitre, Fiabe, novelle, racconti, къ № CV; Köhler у Cederschiöld, Clarus Saga, Clari fabella, islandice et latine. Lund, 1879, p. 1; сл. Edzardi въ Literar. Centralbl. 27 März 1880 и Bugge, Studien über die Entstehung der nord. Götter- u. Heldensagen, 1° Reihe, 2es Heft p. 141—2; Cosquin, Contes populaires lorrains, въ Romania № 32, къ XLIV. — Вотъ относящіяся сюда сказки: Норвежскія у Asbjørnsen'a og Moe, Norske Folkeeventyr, 2 ed., № 45 = v. II, № 15 въ переводѣ Bresemann'a (сл. ibid. еще № 8); *Slov. pohádky a pověsti* (Sebrané spisy Boženy Němcové, VII díl) p. 213 слѣд. (Otcovo dědictví); *Grundtvig*, Gamle danske Minder, III, 1; *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 52 (и варьянты); *Pröhle*, Kinder- und Volksmärchen, Nr. 2; *Kuhn*, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen, t. II, p. 251—255, Nr. 17 (сл. вторую часть одной сказки у Zingerle, Sagen, Märchen u. Gebräuche aus Tirol, p. 436, № 1 и конецъ сказки у Kuhn'a, l. c. № 13); P. Kennedy, Fireside Stories of Ireland, p. 114; Sébillot, Contes populaires de la Haute Bretagne № XXIII (La dédaigneuse punie); *Cosquin*, l. c. № XLIV; *Pitre*, l. c. № CV; *Gonzenbach*, l. c. № 18; *Gradi*, La vigilia di Pasqua di ceppo, p. 97: La principessa Salimbecca e il principe Carbonajo (сиэнская); *Kunst*, Italienische Märchen, въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter. VII, № 9 (ливорнская); *Coronedi Berti*, Nov. popolari bolognesi, въ Propugnatore VII, № 15: Brisla in barba; F. Adolpho Coelho, Contos populares portuguezes (Lisboa, 1879), p. 100—102. — Изъ древнихъ пересказовъ: *Clarussaga*, l. c.; *Luigi Alamanni* (1495—1556): новелла о графинѣ Тулузской и графѣ Барселонскомъ (сл. Köhler къ № 18 Gonzenbach); *Pentamerone*, übertr. von Felix Liebrecht, v. II, № 40. — Присоединю къ этому и повелю *Konrad'a v. Würzburg* у v. d. Hagen, Gesamt-abenteuer, I, стр. 211 слѣд.; сл. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 изд., Bd. I, p. 214, 215, 242 слѣд. — Выдержки изъ сборниковъ Кюна и Коэльо сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, проф. Л. З. Колмачевскими.

надо всѣмъ глумится, всѣмъ даетъ смѣшныя клочки. Одного она прозвала Drosselbart или Brüsselbart; послѣднюю клочку Гриммъ объясняетъ, очень вѣроятно, изъ того, что у царевича во время бѣды застряла въ бородѣ крошка. — Черезъ нѣкоторое время является ко двору красивый шпильманъ и поселяется насупротивъ царевниныхъ оконъ. Однажды она видитъ, какъ онъ вертитъ пальцами небольшое золотое колесо, издающее мелодическіе звуки; она проситъ его научить еѣ играть, желала бы приобрести и колесо, но шпильманъ отдастъ его лишь подъ условіемъ: чтобы царевна вышла за него замужъ. Та горделиво отказывается. Въ другой разъ она опять видитъ шпильмана, играющаго на золотомъ «мотовилѣ», и на этотъ разъ она не выдержала и цѣной колеса и мотовила отдала свою руку. Рядомъ лишеній и униженій она покупаетъ свою гордость, пока не узнаетъ въ концѣ, что ея мужъ — отверженный ею царевичъ Brüsselbart.

Содержаніе норвежской сказки (Bresemann II, № 15) существенно такое-же. Гаконъ Боркенбартъ, оскорбленный насмѣшкою гордой невѣсты (она велѣла обрѣзать уши его коню, у другаго распоротъ ротъ до ушей), рѣшается наказать еѣ: добывъ дорогія золотыя вещи, пряжку съ такимъ-же пестикомъ и мотовиломъ, онъ три раза является къ ней въ видѣ нищаго и уступаетъ ей тѣ вещи — первую за то, чтобы она позволила ему заснуть у дверей собственной спальни, другую за то, чтобы позволила провести ночь въ самой спальнѣ на полу, а третью, если дозволитъ ему выспаться рядомъ съ собою. Прельщенная этимъ предложеніемъ, дѣвушка на всё соглашается; послѣ того она забеременѣла и родила малютку, а раздраженный отецъ отдалъ еѣ за нищаго: это былъ Гаконъ. Онъ привелъ еѣ въ большую хижину, заставилъ исполнять самыя черныя и трудныя работы и далъ много уроковъ ея гордости; такая жизнь смиряетъ еѣ, и сказка кончается счастливо, какъ и предъидущая.

Въ датской сказкѣ дѣвушка также падѣвается надъ молодымъ (дважды она велѣтъ обрѣзать уши и гривы его бѣлымъ и воронымъ конямъ; пробить его лхту, такъ что она пошла ко дну)

который прельщаетъ её въслѣдствіи подарками (золотая пряжка съ такими-же пестикомъ и моговилюмъ), и также добивается позволенія проспать у покоя царевны, въ немъ самомъ, наконецъ въ постели. Дальнѣйшее развитіе, въ общемъ, такое-же, какъ во всѣхъ сказкахъ этого типа.

Въ разсказѣ Пентамерона (übertr. v. Liebrecht, v. II, № 40) дѣйствующія лица: царь, домогающійся напрасно руки непреступной царевны, которая, чтобы получить драгоценныя одежды, позволяетъ мнимому садовнику-царю переночевать въ ея залѣ, прихожей и, наконецъ, въ спальной. Результатъ тотъ-же, что въ предъидущихъ сказкахъ: тѣ-же испытанія царевны, которая рѣшилась обѣжать съ садовникомъ, чтобы скрыть свой стыдъ. — Сициланская сказка у Пинтрѣ (№ CV) повторяетъ сюжетъ Пентамерона въ главныхъ его подробностяхъ. Остановлюсь лишь на глумленіи царевны: за столомъ царевичъ нагнулся, чтобы поднять упавшее на полъ зернышко гранаты, которую до тѣхъ поръ нѣкогда не ѣдалъ; дѣвушка руживаетъ это его жадности и потому отвергаетъ его. Такъ и въ португальской сказкѣ: царевна отказывается жениху, графу Парпжескому, потому что за обѣдомъ онъ не стряхнулъ съ бороды зернышка гранаты, а взялъ его въ ротъ. Иначе въ довольно искаженномъ сициланскомъ варіантѣ сборника Гонценбахъ № 18: царевна замѣтила, что женихъ сѣлъ на стулъ, на которомъ лежало перышко, и что, когда онъ ѣлъ, капля соуса упала ему на грудь. *Pinna in seggia e sarsa in pettu!* глумится она и не хочетъ слышать о сватовствѣ. Въ болонской сказкѣ она смотритъ пзъ за занавѣса на жениховъ, сидѣщихъ на шпурѣ: у этого носъ великъ, у того ротъ; вотъ этотъ всѣмъ-бы хорошъ, да неопрятенъ (*srà un gran porch*): у него послѣ обѣда осталось на бородѣ крошка (*brislà*). Это опять знакомый мотивъ нѣмецкаго Bröselbart. Сравните для этой черты скабрёзную новеллу Конрада Вюрцбургскаго: гордая царевна, отказывавшая всѣмъ женихамъ, глумится и надъ рыцаремъ Ариольдомъ: за столомъ подали груши, но одной на двоихъ; рыцарь, сидѣвшій рядомъ съ дѣвушкой, разрѣзаетъ одну, позабывъ очистить её

отъ кожурѣ, половину самъ съѣдастъ, другую предлагаетъ дѣвушкѣ, что и даетъ ей поводъ издѣваться надъ нимъ — и не мѣшаетъ ему отдаться, когда онъ явился къ ней подъ видомъ юродиваго.

Особую разработку нашей сказочной темы представляетъ словацкая и одна норвежская сказки (Bresemann, II, № 8). Начну съ первой, какъ болѣе сохранный. Умирая, старшій король спрашиваетъ своихъ сыновей, что каждый изъ нихъ пожелалъ-бы получить въ наслѣдство. Двое старшихъ хотятъ быть королями, третій, Петька, выражаетъ желаніе, чтобы его любилъ всякій, кто на него ни посмотритъ. По смерти отца братья отправляются странствовать: двухъ старшихъ всюду принимаютъ съ почетомъ, третьяго, бѣдняка, хозяйки (krčmářka, gazdina, pani) встрѣчаютъ вначалѣ сурово, но, поглядѣвъ на него, тотчасъ-же предлагаютъ гнѣвъ на милость и дарятъ на память: горшокъ изъ оплетенной тыквы, въ которомъ не переводилось питье; скатерть самобранку; треугольную шапочку: подвинешь её на лѣвое ухо, будетъ стрѣлять изъ всѣхъ трехъ концовъ; подвинешь на правое, раздастся волшебная музыка. — Всѣ три брата сватаются за свою старшую царевну, не хотѣвшую слышать о женитвахъ, схвачены и посажены въ тюрьму, гдѣ Петька кормитъ и поитъ узниковъ при помощи скатерти-самобранки и горшка. Царь, прослышавшій объ этихъ диковинкахъ и пожелавшій ихъ приобрести, принужденъ согласиться на условія Петьки: дозволить ему простоять двѣ ночи у ложа царевны. Въ третій разъ онъ пускаетъ въ ходъ свою чудесную шапочку: надѣлъ её на лѣвое ухо, и раздалась прелестная музыка. Покуда онъ игралъ весело, всѣ пускались плясать, игралъ-ли печально, всѣ принимались плакать, и всё слушали, забывая ѣду и питье и дѣло. Тогда Петька передвинулъ шапочку на правое ухо, и пошла такая польба, будто свѣтъ рушится. Эту диковинку Петька готовъ уступить, если ему позволятъ пролежать одну ночь въ ногахъ царской дочери. Она уступаетъ убѣжденіямъ отца, но ночью не вытерпѣла, чтобы не посмотреть однимъ глазкомъ на чудака, отдаваго ради

одного ся взгляда свои сокровища. Взглянула — и тотчасъ-же полюбила, а на другой день объявила отцу, что пойдетъ замужъ лишь за Петьку.

Норвежская сказка воспроизводитъ весь ходъ словацкой; забыта специфическая черта: разборчивость неприступной царицы; старшіе братья сватаются за нею, а младшаго-бѣдняка они дозволили помѣстить, вмѣстѣ съ другими нищими и оборванцами, на островѣ, гдѣ онъ и пускаетъ въ дѣло свои подарки: ножницы, кропшія въ воздухѣ бархатныя и шелковыя одежды, скатерть-самобранку и кранъ, песточавшій, по желанію, разные напитки. — Добивается этихъ диковинокъ сама царица; условія юноши: проспать одну ночь у дверей царевнаго покоя, другую — на скамьѣ возлѣ ея ложа, третью — въ ея постели. Заключение тоже, что въ предъидущемъ №: юноша женится на царицѣ, а братьевъ, державшихъ его въ черномъ тѣлѣ, помѣщаетъ на островъ, куда былъ высланъ самъ.

Въ двухъ послѣднихъ сказкахъ нѣтъ глумленія царицы; тамъ, гдѣ этотъ мотивъ имѣетъ мѣсто, является и отместка.

Отпущенный женихъ мститъ, являясь въ чужомъ образѣ: *нищлаго, бѣдняка* (норв. датск., слов. ск.), *садовника* (Pentamegone, сщ. ск. у Pitrè, португальск. ск.), *ходобичика* (сщ. сказка у Гонценбахъ), *юльщика* (сіенская ск.), *искаря* (пворнская, болонская ск.), *парикмахера* (лорренская сказка), *настуха* (нѣм. ск. у Куна), *лакея* (брет. сказка), *юродиваго* (Konr. v. Würzburg) или *шпильмана-гусельника*: такъ въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ, соединившей арфу, гусли шпильмана — съ золотыми прялкой, мотовиломъ другихъ разсказовъ, откуда представление: о мотовилѣ, колесѣ, издающихъ чудесныя звуки; сл. такой-же кловонскъ словацкаго пересказа. Наша повѣсть представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе простой типъ (гусельникъ прельщаетъ своими гуслими) и ту особенность, не встрѣчавшуюся намъ въ прошедшихъ передъ нами версіяхъ, что сама дѣвушка приходитъ къ незнакомому ея жениху — первоначально, вѣроятно, привлеченная обѣщаніемъ — отдать ей чудесныя гусли,

наводившія плясъ или сонъ — какъ въ словацкой сказкѣ веселье или слезы? Въ повѣсти этотъ естественный, съ точки зрѣнія нашей сказочной группы, мотивъ уступилъ мѣсто другому, болѣе вычурному: дѣвушка несетъ гусли за Васильемъ и такимъ образомъ попадетъ въ его палаты. Въ началѣ могли рассказывать приблизительно такъ, какъ въ эпизодѣ слѣдующей нѣмецкой сказки (Simrock, Deutsche Märchen, № 14):

Отставной солдатъ заходитъ въ подземный замокъ, предъ которымъ стоялъ на часахъ желѣзный часовой, der eiserne Johann; набивъ свой ранецъ золотомъ и драгоценностями и захвативъ съ собою свѣчу, стоявшую тамъ на столѣ, солдатъ выбирается на Божій свѣтъ (подробности я опускаю) и прѣбрѣлъ въ столицу. Здѣсь онъ останавливается въ лучшей гостиницѣ, окнами на царскій дворецъ, и начинаетъ жить широко, будто у него денегъ и конца не будетъ. — А онѣ подходятъ къ концу. Однажды вечеромъ онъ засидѣлся: изъ головы у него не выходила царица, которую онъ видѣлъ изъ своего окна. Свѣча у него догорѣла и, такъ какъ всѣ улеглись спать и негдѣ было достать другой, онъ вспомнилъ о свѣчѣ, захваченной имъ въ замкѣ. Только что онъ зажгётъ её, какъ желѣзный мужъ сталъ передъ нимъ и спрашивать: Что прикажете, Ваше Величество? — Да развѣ я могу тебѣ приказывать? — Вашему Величеству приказывать, мнѣ исполнять? — Коли такъ, то принеси мнѣ арфу, что виситъ въ первой боковой залѣ замка. — Сказано, сдѣлано. — Ладно, сказалъ солдатъ и, какъ только потушилъ свѣчу, желѣзный мужъ снова очутился на своемъ посту передъ замкомъ. На слѣдующее утро, усѣвшись передъ окномъ, солдатъ принялся за арфу, и она играла всё, что только ему приходило на умъ. Ея звукъ былъ такой серебристый, что слышавъ её царица пожелала её купить; но солдатъ отвѣтилъ, что она не продажная, а коли царица захочетъ посѣтить его, онъ подаритъ ей арфу. Царица не пожелала пойти сама, а послала вмѣсто себя одну изъ своихъ фрейлинъ, обѣщавъ ей, за исполненіе порученія, сто талеровъ въ награду. Солдатъ условился съ хозяиномъ: если

придетъ царевна, то встрѣтитъ её съ двумя свѣчами, если Фрейлина, то съ одной. Фрейлина пробыла у солдата всю ночь и получила отъ него арфу; на вопросъ царевны, какъ она провела время, она отвѣчала, что проспала рядомъ съ солдатомъ такъ-же спокойно, какъ-бы въ своей постели. — На другой день желѣзный мужъ достаетъ солдату вторую арфу, золотымъ звукомъ которой также прельстилась царевна и послала за нею другую Фрейлину. Третья арфа звенѣла, точно жемчугъ и алмазы; на этотъ разъ отправляется за нею сама царевна, но съ нѣсколькимъ результатомъ для своего спокойствія, — въ чемъ она и принуждена открыться отцу. Велѣдствіе этого солдата схватили и посадили въ тюрьму; послѣдняя услуга «желѣзнаго Ивана» состоитъ въ томъ, что онъ разнесъ и тюрьму и царскій дворецъ, и то и другое возстановляетъ, когда царь согласился повѣнчать свою дочь съ солдатомъ.

Связь этой сказки съ грушюй разбрасныхъ нами не подлежитъ сомнѣнію; отличія объясняются забвеніемъ нѣкоторыхъ существенныхъ мотивовъ: опущенъ напр. мотивъ отверженнаго сватовства. Иначе слѣдуетъ понять другія отмѣны, на столько-же отдаляющія нашу сказку отъ другихъ версій, на сколько сбл-жающія её съ русской повѣстью: я разумѣю двоякую попытку царевны замѣнить себя другимъ лицомъ. Ту-же черту встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкомъ варьянтѣ у Куна, указывающемъ на новыя точки соприкосновенія съ прототиномъ нашей повѣсти: сынъ нѣмецкаго короля не лично ѣдетъ свататься за французскую королевну, а посылаетъ посла. Скорѣе выйду за свинопаса, чѣмъ за нѣмца, говорятъ она. Тогда царевичъ отправляется самъ, запасшись тремя драгоценными мячами: серебрянымъ, золотымъ и брилліантовымъ и принимается бросать свиней подъ окнами красавицы, игралъ серебрянымъ мячемъ. На предложеніе царевны продать его, онъ отвѣчаетъ, что отдастъ его, если она согласится раздѣлить съ нимъ ложку. Но она посылаетъ вмѣсто себя Фрейлину, а на другой день другую — какъ въ предыдущемъ разсказѣ. Царевичъ замѣтилъ обманъ и объявляетъ, что третій

мечь отдасть лишь когда къ нему придетъ сама царевна. Фрей-лины говорятъ ей, что опасности ей не предстоитъ никакой, спать съ пастухомъ то-же, что рядомъ съ колодой. Тогда она является къ нему, но ошибившись въ расчетѣ, принуждена бѣжать отъ стыда вмѣстѣ съ пришельцемъ, въ которомъ узнаеть отвергнутого царевича лишь послѣ цѣлаго ряда лишеній и страданій.

Въ сказкахъ о «разборчивой невѣстѣ» мы не встрѣтили до сихъ поръ участія — дядьки, помощника жениха, въ родѣ гостя Василія нашей повѣсти или Котомы-Ивана сказокъ о «хитрой дѣвѣ», который помогаетъ царевичу въ сватовствѣ и подъ конецъ расправляется съ строптивой: «Иванъ Голой ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ её по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всемъ мужа (Аван. № 116 с.). — Этого сказочнаго дядьку мы встрѣчаемъ въ *Clarus-saga*, пересказанной на старосѣверный языкъ въ началѣ XIV вѣка (1322—39) епископомъ Íón Haldórsson'омъ съ какого-то латинскаго «*githmos*», съ которымъ онъ познакомился во Франціи. Содержаніе саги слѣдующее: у Тибурція, императора Саксланда, т. е. нѣмецкаго, сынъ *Clarus*, прозванный такъ за свою красоту (*príat Clarus rýðiz upp á vort mál «bjartr»*), а при красотѣ и силѣ онъ обладалъ и особой мудростью (*med frábærri vizku*). Отецъ далъ ему въ учителя извѣстнаго Пера (*Perus*), родомъ изъ Аравіи, мудрейшаго всѣхъ смертныхъ, о знаніи и хитростяхъ котораго говорится во многихъ книгахъ, ходитъ множество разсказовъ (*af hverjum víða er lesit í bókum ok mörg æfintýr víð snetr af sínum listum ok hlókskap*). Отъ него царевичъ узнаеть о Серенѣ, дочери франкскаго короля Александра: красивѣе и мудрѣе ея не найти; съ шестидесятью дѣвицами изъ именитѣйшихъ родовъ, охраняемая тысячею рыцарями, она пребываетъ въ башнѣ, куда дозволеніе достунъ лишь ея отцу и его служителямъ; такова ея мудрость, что тебя съ твоимъ знаніемъ она считаетъ «деревенщиной», говоритъ *Perus* и, когда царевичъ обнаруживаетъ желаніе посвататься за нее, прибавляетъ, что многихъ именитыхъ жениховъ она провела своею хитростью —

и отказывается съ нимъ ѣхать. Clagus отправляется на корабляхъ, богато снаряженныхъ, и любезно принятъ Александромъ; Серена, заинтересованная гостемъ, посылаетъ свою фрейлину Теклу посмотрѣть на него, а за тѣмъ велитъ пригласить его къ себѣ. Царевичъ пораженъ великолѣніемъ, которое онъ видитъ въ башнѣ; «во полу-столѣ» (*sem ölit gengr um*) онъ рѣшается объявить Серенѣ о цѣли своего прибытія. Та выслушала его милостиво и предлагаетъ ему раздѣлить съ нею яйцо въ смятку, такъ чтобы каждый съѣлъ половину; но въ то время, какъ Clagus принималъ яйцо изъ ея рукъ, она тихонько нажала его, такъ что его содержимое пропало на одежду царевича. Тогда, обратившись внезапно изъ Serena'ы въ Severa'y, она принимается стыдить его, бранить перяхой и деревенщиной и велитъ съ позоромъ выгнать отъ себя.

Опозоренный онъ возвращается во свояси и проситъ отца и Perus'a помочь ему «отмстить» свой стыдъ. Perus соглашается лишь подъ условіемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ ему предоставлена будетъ царская власть. Ею онъ пользуется, чтобы при помощи лучшихъ мастеровъ Саксоніи создать три диковинки, три драгоценныхъ шатра: передъ однимъ ходить на привязи и двигать его золотой медвѣдь; передъ другимъ такой-же золотой левъ; надъ третьимъ летаетъ лптой изъ золота ястребъ. Черезъ три года Perus и Clagus съ товарищами снова ѣдутъ свататься; царевичъ неузнаваемъ, Perus натеръ его какимъ-то порошкомъ, отчего онъ сталъ похожъ на людей, живущихъ вдали отъ общества и лучей солнца; онъ назовется Эскельвардомъ, сыномъ царя Bláland'a (Öioinn), пріѣхавшимъ свататься за Серену. Однажды утромъ царица, выглянувъ въ окно, увидѣла богатый раскинутый шатеръ и передъ нимъ чуднаго медвѣдя; ей хочется пріобрѣсть эту диковинку, и она посылаетъ Теклу разузнать о пріѣзжемъ и пригласить его къ столу. Она проситъ царевича уступить ей шатеръ; но тотъ отвѣчаетъ, что онъ не продажный, ему цѣна — любовь Серены. Разсчитывая на свою хитрость, она соглашается принять царевича вечеромъ.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ей п Clagus'у подають кубокъ, пзъ котораго оба пьютъ; кубокъ о двухъ днахъ, напштокъ, что былъ сверху, достался Серенѣ, а нижній былъ сонный, «забыдущій»; какъ отвѣдать его Clagus, такъ п свалился. Серена велитъ его высѣчь п выбросить пзъ банины; когда на другое утро онъ проснулся, шатеръ былъ уже взятъ людьми царевны.

Въ другой разъ повторилась та-же продѣлка: Clagus поддался на уловку Серены, завладѣвшей тѣмъ-же путемъ п второй диковинкой.

Остался еще третій шатеръ съ золотымъ ястребомъ, п царевна снова посылаетъ къ Clagus'у, съ пзвиненіями за прошлое п просьбой явиться. Между тѣмъ Petus устроилъ въ шатрѣ порогъ, «*einn limiten, þat köllum ver þresköld*», на которомъ что-то начерталъ: когда посланная царевной Текла переступитъ черезъ него, будетъ тебѣ предана, говоритъ онъ царевичу; ты-же надѣнь ей на палецъ этотъ перстень п, подержавъ руку, пока не нагрѣется въ твоей, попроси еѣ послужить тебѣ вѣрой п правдой п открыть, почему ты одинъ засынаешь непробуднымъ сномъ, отвѣдавъ одного напстка съ Сереной. — Текла открываетъ тайное устройство кубка п общаетъ наполнить его, вмѣсто забыдущаго зелья, какимъ-нибудь другимъ, менѣе дѣйствительнымъ, того-же цвѣта.

Когда Clagus пришелъ къ Серенѣ по третьему зову, онъ также заснулъ п подвергся псизаніямъ; но сонъ длился недолго, такъ что, добравшись до ложа царевны, онъ могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Серена забыла о шатрѣ, Clagus поощщаетъ еѣ въ теченіи двухъ недѣль, послѣ чего проситъ у отца согласія на бракъ. Всѣ готово къ отъѣзду молодыхъ, приданое убрано на корабль, остался лишь шатеръ, въ которомъ должны были провести послѣднюю ночь Clagus п Серена. Проснувшись утромъ, Серена видитъ себя въ лачугѣ, о-бокъ съ какимъ-то страшлицемъ (*dölgr*), который называетъ себя ея мужемъ, обращается съ ней грубо, заставляетъ еѣ голодать п странствовать съ собою, а хлѣбъ себѣ зарабатываетъ игрой на флейтѣ,

skáldþíra, на какой играютъ прохожіе люди (fantar), и смѣхотворными прибаутками (talar sem einn dári á allar lundir). Это былъ — Perus, взявшійся умирить строптивую, которая всё терпѣливо переноситъ отъ мнимаго мужа и, по окончаніи пенытанія, соединяется съ настоящимъ. Все это она претерпѣла въ отместку за свое глумленіе (í hefnd móti þeim dáraskar, sem hon hafði áðr leikit keisara syni).

Испытанія, претерпѣваемые царевной, тѣ-же, какія сохранялись въ современныхъ западныхъ сказкахъ; если я не останавливался на этой ихъ подробности, то потому лишь, что имѣлъ въ виду освѣтить источникъ нашей Повѣсти, въ которой она, по ходу разсказа, оказалась не нужной и замѣнена болѣе грубой расправой.

Сходство сѣверной саги съ сказками о «разборчивой невѣстѣ» ясно и не требуетъ особаго разъясненія. Edzardi указываютъ на сходные мотивы въ эпосѣ нѣмецкихъ шпильмановъ: дѣло касается чудесныхъ подѣлокъ Perus'а. Я не сомнѣваюсь, что онѣ находились уже во франко-латинскомъ оригиналѣ саги; ему-же принадлежало и имя Perus'а, о мудрости котораго ходили многіе разсказы. Въ Исландскихъ повѣстяхъ, недавно изданныхъ Гершгомомъ, помѣщены три разсказа о чародѣйскихъ подѣлкахъ Perus'а, носящаго какъ, и въ сагѣ, названіе meistari ¹⁾. Тамъ и здѣсь разумеется, вѣроятно, знаменитый Pietro d'Abano (род. 1250 г.), котораго легенда издавна окружила ореоломъ мага и кудесника ²⁾. Знакомое имя могло подставиться вмѣсто неизвѣстнаго, отвѣчавшему Василию нашей повѣсти, Котомъ-Ивану русскихъ сказокъ о «*ситрой днотѣ*». Какъ Иванъ достаетъ диковинки, необходимыя для сватовства, и расправляется съ гордой

¹⁾ Islenszk aeventyri. Isländische Legenden. Novellen und Märchen, hrsg. von Hugo Gering. 1er B. Text, p. 217 слѣд.: Af meistara Pero ok hans leikum.

²⁾ Сл. ж. проч. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, t. V (Modena, MDCCCLXXV), p. 152 слѣд.

царевной, такъ и Perus; какъ Perus, такъ и Василій указываютъ невѣсту, тамъ и здѣсь сватовство отсвѣтывается. — Замѣтимъ, по пути, совпаденіе мотивовъ саги съ словацкой сказкой и соотвѣтствующей ей норвежской: диковники, достающіяся юношѣ, заставляютъ сочувствовать ему всякаго, кто на него ни посмотритъ; Текла, едва переступивъ черезъ порогъ шатра и надѣвъ перстень Clarus'a, не можетъ не быть ему преданной. — Василій и Полимистра, Clarus и Serena — прекрасны и мудры; и въ повѣсти и въ сагѣ говорится, что дѣвушка мудрѣе женщѣ. Какъ Василій «златовласый» — «прекрасенъ зѣло», такъ и имя Clarus'a дано по его красотѣ. Интересно, наконецъ, совпаденіе локализаци: отецъ Василія царитъ въ Прагѣ, но въ началѣ повѣсти говорится о «*нѣмецкихъ режнихъ*» (regio? Reich? чешск. říše?); Тибурціи — царь Саксланда, т. е. *нѣмецкій*; и Василій и Clarus сватаются за дочь *французскаго* или *франкскаго* короля. Такъ и въ сказкѣ у Kuln'a. Этими совпаденіями нельзя давать особой цѣны: въ сказкахъ являются и другія географическія приуроченія; весь интересъ нашей повѣсти не въ этомъ, а въ богатствѣ сказочныхъ мотивовъ, или лучше, въ цѣльности сказочнаго типа. Это — сказка, только литературно перелпцованная.

VI.

ИЗЪ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЙ: АНТЫ И ЧУДЬ.

Этимологія слова entrisch не разъ занимала нѣмецкихъ изслѣдователей, отъ Граффа и Я. Гримма до Лексера ¹⁾: *староверхненѣм.* antisc, antrisc, entrise = antiquus, priscus; *англосакс.* entisk = giganteus, отъ ent = gigas; *средневерхненѣм.* entrisch въ текстѣ XII вѣка, приводимомъ далѣе, гдѣ Гриммъ (D. Wb.

¹⁾ Lexer, Mittelhochd. Handwörterbuch, a. v. entrisch.

а. v. enterisch) и Lexсортъ даютъ лишь значеніе: alt, alterthümlich, ehemalig, но въ Ackermann aus Böhmen: ungeheuer, grau-sig: «die starkwaltigen leben in entrischen wüstungen» ¹⁾. — Въ современныхъ нѣмецкихъ говорахъ: entrisch, enterisch, entersch, enzisch, enzianisch и т. д. встрѣчаются съ значеніемъ чего-то необычнаго (потому что древняго?), страннаго, чрезвычайнаго, сверхъестественнаго, таинственнаго, что выразилось и въ значеніи усилительныхъ префиксовъ ent, end, enz и т. д. (сл. entschön, entberg и древнія Enzawip, Enzewip и т. п.), и въ рядѣ мѣстныхъ названій: «ad viam giganteam, Entiskenweg», der Enterisch Weg; Entrischer Brunn; Enzinsperig и др. — Объясненій этой группѣ словъ предложено было нѣсколько: указывали на старовѣрхненѣм. andar = alter, при чемъ andarisk могло бы развиться отъ значенія «не свой», barbarus, къ болѣе общимъ и отвлеченнымъ; на старовѣрхненѣм. anado, ando, anto, средневерхненѣм. ande = animus, zelus; на лат. antiquus, старо-франц. antif. Съ другой стороны англосакс. ent = gigas повело Я. Гримма къ предположенію, что за этимъ словомъ и родственными ему скрываются древніе Анты, обобщенные въ народныхъ повѣрьяхъ, какъ то случилось съ другими отжившими, когда-то славными народами: Гуннами у Нѣмцевъ, Обрами, Чудью. Слани у Славянъ, Эллинами у современныхъ Грековъ. Анты явились неполными, имъ стали приписывать загадочныя древнія сооруженія (Entiskenweg, entisca geweore); какъ у насъ курганы нерѣдко носятъ этническія прозвища, такъ въ слѣдующихъ далѣе преданіяхъ является какое-то «антское» нещерное племя.

Первое преданіе записано въ Тироли ²⁾. Если пойти изъ Пре-

¹⁾ Lexen l. c. Nachträge, a. v. entrisch. Сл. Der Ackermann aus Böhmen, hrsg. von Joh. Knieschek. p. 13 и цитаты у Schmeller'a, Bair. Wb., a. v. enderisch: «wie die starkwaltigen lewen in entrischer Wüstung». Изъ какого текста?

²⁾ Сл. мою замѣтку: Опомеченное славянское поселеніе въ Тироли, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. ноябрь, стр. 83. Передаю преданіе съ нѣсколькими болѣе подробностями.

граттена (Preggratten, слав. Преграда) въ Виндталъ (Windthal = долина Виндовъ?), то на раздѣлѣ водъ и племенъ, байварскаго и славянскаго, встрѣтишь такъ называемую *антскую берлогу* (das antische Loch), о которой разсказываютъ слѣдующее: въ старые годы жили въ Виндталѣ, въ этой берлогѣ, какіе-то люди, рѣдко или никогда не показывавшіеся въ долину. Только однажды пришла оттуда дѣвушка-красавица и нанялась въ услуженіе въ Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своемъ родѣ-племени; говорила только, что въ Преттау ей быть не долго, потому что когда появится тамъ вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ, ей снова надо будетъ вернуться въ свою берлогу. Такъ разсказывая, она плакала; и, дѣйствительно, какъ скоро появился всадникъ, дѣвушка исчезла. — Изъ берлоги и теперь еще слышится дѣтскій плачъ, а на камняхъ кругомъ видѣли перѣдко пелѣнки, сушившіяся на солнцѣ. Въ нескѣ у берлоги находили крошечные свѣтло-желтые камешки, величиной съ горошину и менѣе; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства: вытягивать изъ глазъ осколки дерева и соръ, туда попавшіи. Говорятъ, что это окаменѣвшія слезы Антскихъ людей.

Въ XII вѣкѣ сходная легенда объ антской берлогѣ и антскихъ людяхъ извѣстна было въ Хорутанин, гдѣ его могъ слышать авторъ стихотворной притчи «о бракѣ» ¹⁾. Въ славномъ мірѣ (meregarte) стоитъ высокая гора, на которую съ давнихъ поръ переселился господинъ съ своимъ народомъ. Нѣкоторые изъ его служителей (clinchte) провинились передъ нимъ и за то понесли наказаніе: подъ той горой была юдоль печали, глубокая пещера,

¹⁾ Изд. Karajan'омъ въ Deutsche Sprachdenkmale des XII Jh. Wien, 1846. Хорутанское происхожденіе этого стихотворенія доказывалъ Scherer (Geistliche Poeten der deutschen Kaiserzeit, II Heft: Drei Sammlungen geistlicher Gedichte. Strassburg, Trübner, 1875, стр. 14—19; его же: Geschichte der deutschen Dichtung и т. д., стр. 51—53), противъ котораго писалъ Vogt, Ueber Genesis und Exodus, въ Paul und Braune's Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, II, II, стр. 267.

оставленная антскими людьми и наполненная змѣями. Туда-то заключить господишь своихъ невѣрныхъ людей.

Do was undir dem gebirge
 ein uil michil sorge:
ein tieffir churchaere.
 der stuont alle wile laere,
Des habeten entrische loete vergezzen.
 Der was mit wrmen besezzen.
 Dar undir swief der herre
 Sine ungetriwe chnehte uerre

(Karajan, I. c., стр. 23).

Могучіи царь, пребывающіи на горѣ — Господь, невѣрные слуги — отпавшіе ангелы, низверженные въ препнодную, поясняетъ авторъ притчи (I. c., стр. 42). Какъ небо представлено горою, такъ препноднія выражена образомъ пещеры, забытой антскими людьми. Что она населена змѣями — можетъ относиться къ духовному толкованію притчи и къ обычной символикѣ ада, не къ антской берлогѣ, хотя представленіе о послѣдней естественно вело къ образамъ ада, препнодней. Въ Enzi-loch, антской берлогѣ у подножьи высокаго Enzen'a, заклѣты всякіе преступники, притѣснители, обманщики, злые духи. По ночамъ слышны ихъ голоса, будто громъ или пушечные выстрѣлы; они собираютъ тучи, стрѣляютъ молніей, втаскиваютъ на вершину каменныя глыбы, которыя, обрываясь, съ грохотомъ скатываются въ пропасть; либо, сидя въ полукругѣ у своей пещеры на пурпурныхъ креслахъ, держатъ совѣтъ, а отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающіи всю окрестность¹⁾.

Въ параллель къ рассказамъ объ антскихъ пещерныхъ людяхъ приведемъ такія-же легенды о Чудѣ, распространенныя на сѣверѣ Россіи и въ Сибіри²⁾.

¹⁾ Otto Henne-Am Rhyn, Die deutsche Volkssage, стр. 266.

²⁾ Слѣдующими библиографическими указаніями я главнымъ образомъ обязанъ г. Потанину: Извѣстія Имп. Общ. любит. естествознанія.

Чудь жила давно, а какъ давно, старпки не помнятъ, рассказываютъ въ приуральскомъ краѣ. Чудаки были роста небольшого, немного болѣе двухъ аршинъ, а бороды имѣли длинныя; жили они въ землянкахъ, а крыши поддерживались деревянными столбами. Чудаки слыли за народъ пменитый, занимались скотоводствомъ и земледѣіемъ, имѣли разнаго рода дорогія вещи, золотыя и серебряныя. Когда они узнали, что пришелъ какой-то новый народъ, чудаки начали таскать на крыши землю, потомъ сами забрались въ землянки и подрубили столбы: такъ они и похоронили себя. Но другіе оставили свои богатства и сами куда-то бѣжали. — Нашъ начальній лѣтописецъ, передавая со словъ Гюря Тороговпча о торговлѣ русскихъ съ уральской Югрой, заставляетъ послѣднихъ такъ рассказывать о какомъ-то невѣдомомъ народѣ въ ущельяхъ горъ: «дивно мы находимъ чудо, его же нѣмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти: суть горы задуче въ луку моря, пмже высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчяся; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку пхъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ пожь-ли, ли секпру, и они дають скорою противу». — Очевиденъ реальный фактъ мѣновой, нѣмой торговли, лежащій въ основѣ этого рассказа, который у лѣтописца примѣненъ къ легендѣ о поганныхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ

антрон. и этнограф. т. XXXV, ч. I, вып. 1—3 (Москва, 1880), стр. 170 (Исфедовъ, о курганахъ *приуральскаго края*); сл. *ibid.* т. XIII, вып. 1, стр. 6 (К. Поповъ, *Зыряне и зырянскій край*). — Записки Русск. Географ. Общ. по отд. этногр. т. VII, стр. 34 (замѣтка Л. Н. Майкова) и 6; Иванова. Матеріалы къ Антропологии Пермскаго края (Труды Общ. естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. т. X, вып. 1), стр. 6, 12—13 (*пермскія преданія*). — Castren, Vorlesungen über die finnische Mythologie p. 189 и Kleinere Schriften, стр. 103 (*самоды*); Ефименко, Заволоцкая Чудь, стр. 42.

Македонскимъ, а Юнарями примѣняется — къ Чудн, будто-бы запертой въ щель, гдѣ она шумитъ и вѣщаетъ.

«Югра . . . сосѣдять съ Самоѣдою на полуночныхъ странахъ», — и Самоѣды Архангельскіе и енисейскіе (Юраки) также знаютъ о древнемъ народѣ Чудн, который называютъ «сиртье» (Siirtje): они, будто-бы, жили частью въ пещерахъ, частью въ вырытыхъ ямахъ, куда прятали свои богатства, нерѣдко терпя нападенія отъ Самоѣдовъ и русскихъ. Чтобы положить конецъ этимъ обздамъ, русскій царь велѣлъ устроить поединокъ: чей представитель скорѣе срубитъ дерево, того племя и должно владѣть землей. Выбрали два дерева: русскій тѣмъ перехитрилъ противника, что рубилъ подъ вершиной дерева, а Чудинъ рубилъ у комля. Послѣ того Чудь ушла подъ землю, гдѣ и живетъ богато: у ней много золота, серебра и драгоценностей, бобровъ и лисицъ; вмѣсто оленей у нихъ стада мамонтовъ. Говорятъ, они невидимо показываются на поверхности земли; на Калгуевѣ, гдѣ нѣтъ ни одной юрты, часто слышенъ лай ихъ собакъ и людской говоръ — какъ по поморскимъ разсказамъ и на Новой Землѣ обитаетъ невидимо краснокожая Чудь.

Роль дерева въ Самоѣдскихъ разсказахъ о Чудн напоминаетъ Сибирское повѣрье, сообщенное мнѣ г. Потанинымъ: будто въ Сибири *бѣлой* березы прежде не было, а когда она появилась, Чудь испугалась, потому что было предсказано, что когда она появится, придетъ *бѣлый* царь и заберетъ землю. Чудь вырыла ямы въ землѣ, построила балаганы на четырехъ столбахъ, прикрыла ихъ землею, подрубила столбы и засыпалась. Стало-быть также, какъ въ уральскихъ повѣрьяхъ, тогда какъ въ Вологодской губерніи «бѣлоглазая Чудь», или просто «поганый народъ» погибаетъ въ своихъ землянкахъ, когда русскіе обрушили на нихъ крыши. Въ пермскомъ краѣ разсказываютъ: у Чудн были вени все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, Чудь испугалась всего бѣлаго (с.л. бѣлую березу, бѣлаго царя сибирской легенды), сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. Не легко доканаться до кладовъ: Чудь стережетъ

свои богатства: въ Иванову почъ вся Буркова гора, гдѣ по преданію было большое чудское населеніе и встрѣчаются археологическія находки, страшно колышется и ходенемъ ходить. «Чудскія мѣста» пользуются до сихъ поръ особымъ суевѣрнымъ почетомъ: въ семпкѣ, когда взрослые ходятъ поминать на кладбище своихъ родителей, подростки отираются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: Вотъ, Чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли провать съ тобой; или: Помяни Господи чудскаго дѣдушку и чудскую бабушку! — Иначе рассказываютъ объ исчезновеніи Чуди въ Оханскомъ уѣздѣ, близъ большого села Сивы, расположеннаго на мѣстѣ чудскаго городища, съ обиліемъ чудскихъ находокъ: къ западу отъ Сивы, въ лѣсной, болотистой лощинѣ произошла битва между туземцами и Русью; Чудь не пускала нашихъ, которые всю её перебили, а мѣсто называли «Побойще», какъ и теперь еще зовется небольшая деревушка. Упомянемъ въ этой связи, что по пермскимъ преданіямъ Чудь была — богатыри.

Пещерныя, курганныя, озерныя находки и постройки, возбуждающія теперь едипичное любопытство археолога, давно тому назадъ возбуждали дѣятельность народной фантазіи, ставя ей вопросы: откуда всё это взялось, куда дѣлся народъ, оставившійся по себѣ столь загадочные слѣды? Опъ, очевидно, удалялся передъ пришествіемъ новыхъ людей, ушелъ въ щели и пещеры, либо заключенъ туда роковой силой; здѣсь Чудь, тамъ какіе-то «антскіе люди», смотря по этнографической памяти; завалился землей либо потопленъ: легенды о затонувшихъ городахъ и селеніяхъ — такая-же народная интерпретація свайныхъ построекъ, какъ легенды, подобныя приведеннымъ, находокъ пещерныхъ и курганныхъ.

XII.

МОЛИТВА СВ. СИСНІЯ И ЕВАНГЕЛИСТАЯ ПѢСНЬ.

Нѣсколько новыхъ матерьяловъ.

Тотъ и другой памятникъ были разсмотрѣны мною, по поводу извѣстнаго труда проф. Häsdeu, въ мопхъ Разысканіяхъ, вып. IV, стр. 40—53, 220—3, 427—30 (Сспній); стр. 78—82 и 432—3 (Евангелистая пѣсня). Въ виду ихъ особаго интереса по отношенію къ славянской письменности и народной поэзіи позволю себѣ указать здѣсь еще на нѣсколько относящихся къ нимъ новыхъ данныхъ, часть которыхъ появилась въ печати уже послѣ изданія моего труда.

I.

Въ немъ (стр. 51—53) я уже могъ воспользоваться нѣкоторыми указаніями д-ра Гастера, недавно вернувшагося къ вопросамъ, меня занимавшимъ, въ своей интересной работѣ: о народной литературѣ Румынъ (*Literatura populara romana. Bucuresti 1883*). Здѣсь стр. 393—400 и 406 слѣд. посвящены легендѣ и молитвѣ св. Сиснія-Сисоя; на стр. 394—5 сообщается въ извлеченіи пересказъ молитвы, безъ имени Сисоя, хотя въ текстѣ, близкомъ къ помѣщаемому въ *Minunile sfintului Sisoe* (сл. у меня стр. 48); дѣйствующія лица: арханг. Михаилъ, сходящій съ Елеона, и Авѣица, у которой 19 именъ. — Слѣдуетъ стр. 396—7 отрывокъ, полный пропусковъ, какого-то заговора, несомнѣнно принадлежащаго къ нашему циклу, въ которомъ упоминаются дѣвы, мученія христіанскій людъ: не дочери-ли Ирода, спрашиваетъ себя издатель? Но онъ встрѣтился пока

лишь въ русскихъ заговорахъ, отождествившихъ демона или демоновъ Сисниѣвскаго заклинанія съ плясуньей-плясавшей Проди́дой или Продовыми дочерьми (сл. у меня, р. 221—2, 429—30). Я предположилъ ¹⁾, что память о плясуньей Проди́дѣ могла отразиться въ русскомъ суевѣріи и по другому поводу: въ непетовой пляскѣ въ ночь на св. Ивана, описанной игуменомъ Памфиломъ, въ Стоглавѣ и Синописѣ и Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ; что праздни́къ рожденія Претечи (24 Іюня) могъ обставиться цѣлой группой воспоминаній, захватывавшихъ въ свою область и крещеніе пмъ Спасителя (Ивана *Кудалы*) и его утѣкновеніе: *Проди́да*. Интересно подобное же сплоченіе воспоминаній въ повѣрьяхъ неаполитанской области: на Иванову ночь крестьяне ставятъ на дворѣ ведро съ водою, въ отраженіи которой видятъ проносящихся мимо Проди́ду и ея мать, упрекающихъ другъ друга въ смерть Іоанна Крестителя ²⁾).

Легенду о св. Сисниіи и его сестрѣ Мелентіи г. Гастеръ (р. 397 слѣд.) передаетъ согласно съ текстами, впервые напечатанными г. Hasdeu (у меня стр. 44 слѣд.). Сличеніе съ греческими оригиналами (у меня стр. 89—96) указываетъ на имя Сисниіа, какъ на древнѣйшее, лишь впоследствии замѣненное Сисоемъ. Въ одномъ румынскомъ Отечникѣ или скитскомъ Патерикѣ г. Гастеръ (р. 399) нашелъ рассказъ объ ученикѣ Сисоя, Аполлосѣ, намѣревавшемся тайно покинуть своего учителя: демонъ, страшнаго вида, обращающійся потомъ въ женщину, является ему на пути и исчезаетъ лишь когда Аполлосъ помолится Господу, прося его помощи «ради молитвъ отца моего Сисоя». Я не думаю, чтобы именно это общее мѣсто скитской легенды дало поводъ замѣнить Сисниіа, также гонимаго злою силою, Сисоемъ. Болѣе могло подѣйствовать созвучіе именъ.

¹⁾ Новые журналы по народной словесности и мифологіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIII, отд. 2, стр. 220—1.

²⁾ Pitre, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 2. стр. 327 (изъ Giornale Napoletano della Domenica, an. I, № 5).

Отношеніе молитвы св. Сиснїи, нерѣдко служащей въ Румыніи амулетомъ (Gaster, 406—7), къ легендѣ Гастеръ (393—4) понимается такимъ образомъ, что въ сущности это — двѣ самостоятельныхъ статьи, изъ которыхъ первая, т. е. молитва, повліяла на вторую. Я считаю болѣе вѣроятнымъ обратное развитіе и молитву какъ-бы сокращеніемъ легенды, удержавшемъ ея рамку и сосредоточившимъ вниманіе на ея развязкѣ и на именахъ демона (см. стр. 47). Имена эти въ греческомъ и въ славяно-румынскихъ пересказахъ¹⁾ разнообразны, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше уходить въ тотъ или другой народный обиходъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Третье имя греческой легенды Βούζος = рум. Авизоя и т. д. сблжало съ Όβζοςъ въ Testamentum Solomonis (сл. у меня стр. 51); ближе Άβζοςъ транезунтскаго глоссарія у Іоаннида, который толкуетъ это слово изъ ἄβυσσος и объясняетъ: κατὰ τὸν πνεύμα, καὶ τὴν ψυχήν. — Μορζά или Μορζά греческаго текста, Мора у нона Симеона = церковн. мора — maia, новогреч. μόρζα — кошмаръ и т. д., рум. moroiu = lutin, vampire (Cihac, Dict., Elem. slaves etc., a. v.). Въ румынскомъ заклинаніи (Gaster, 409—11), сложенномъ по типу Сиснїевой молитвы, являются мужскіе и женскія моры: Богородица сидитъ на золотой скамьѣ, подъ золотой яблоней, и видитъ цѣлый рядъ чудищъ, идущихъ къ такому-то, чтобы высосать у него кровь, вложить вмѣсто души гиллунку; въ пхъ числѣ:

Moroi en moroie.

Strigoi en strigodie.

Стриги является послѣднимъ демоническимъ полу-пменемъ греческой легенды о Сиснїи. — Вмѣсто Морь называются въ румынскихъ заклинаніяхъ и другія олицетворенныя болѣсти, напр. *Beziă* (Gaster, 417); сл. малорусск. бешыху (= рожа) и заклин-

¹⁾ Малорусскій заговоръ отъ лихорадки, сиснїевского гина (Павхутій = Сиснїй), см. еще у Драгоманова. Малорусск. паролн. преданія и рассказы, стр. 26.

наіе: «бехъ — Продовъ сынъ, а одынацать бешыхъ — дочкы Иродовы» (у меня стр. 429). — Въ *свищницъ - асвищницъ* румыно-славянскихъ текстовъ мы узнали сербскую и русскую вѣщницу - вѣдьму (стр. 222—3, прим.). Сл. о ней-же Потанина, Очерки IV, стр. 673 и Мозель, Пермская губернія, стр. 542: «вѣщница — вѣдьма; она въ трубу вылетаетъ, у сиящей женщины распарываетъ брюхо, вынимаетъ младенца и съѣдаетъ; летаетъ сорокой». — *Ψυχωνιστρία* греческаго заклѣтія (сл. у меня стр. 223, прим.) и *Пладницю* пона Симеона мы найдемъ въ молитвахъ отъ трисавицъ спайскаго глаголическаго свхологія X вѣка, недавно изданнаго Гейтлеромъ¹⁾. Не относясь къ типу Сяспіевскихъ и отлпчаюсь, такъ сказать, каноническимъ характеромъ, эти молитвы тѣмъ не менѣе интересны для исторіи суевѣрія. Первая, общая, «на трасѣщимъ са трасавицежъ» молитъ — изгнать «трасавицѣжъ спѣжъ отъ раба твоего сего, сѣщѣжъ подьбѣжъ бѣсоу, смѣжѣжъ на врѣмена, ѣко и бѣсѣ, грабѣжъ водѣж, трасѣжѣжъ вѣѣлицѣжъ, въ тѣлѣсѣ его, мразѣжѣжъ плѣть его, трасѣжѣжъ в'сѣмъ оудѣмъ его, творѣжѣжъ клѣчетъ зѣбы его, *прѣжѣжѣжъ дѣи его* (*Ψυχωνιστρία*?) въ болѣзни сѣ, в'сѣхъ часѣ, въ таиносмытыхъ, в'сѣхъ же годѣхъ і в'сѣхъ врѣменѣ, възбрани сѣ в'сѣхъ пѣтѣхъ вѣходѣныхъ, затвори сѣ вс'а пѣтѣхъ вѣходѣныхъ, прѣсѣжѣжъ сѣ істочѣнѣжъ, отъ него-же исходитъ, възбрани сѣ в'сего вѣзѣмѣнѣжъ, отъ негоже вѣзѣмѣжъ спѣжъ, і вѣсѣлѣ въ нь сѣдравѣсѣ».

Слѣдуютъ за тѣмъ заговоры противъ отдѣльныхъ трисавицъ, при чемъ эническій элементъ заключается иногда въ краткихъ пересказахъ того или другаго событія изъ страданій Христа, съ чисто вѣщнымъ отношеніемъ къ элементу заклинанія.

Первой идетъ «*Моѣ на всѣ трасѣ трасавице*». Инс.: «Запрѣщаетъ ти іменемъ гѣѣмъ, *трасавице послѣдѣнѣжъ іже, оу корѣна*

¹⁾ Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr Lavoslav Geitler. U Zagrebu 1882, стр. 81 слѣд.

сжири, слабѣиши въ сѣхъ ѿзе, не ты ли сама и всѣ твоѣ бонте сѣ въ сѣхъ мадростей земныхъ мадрыхъ і крѣпостей крѣпкихъ . . . , смелѣе же хоудоумныя і хоудоспѣтныя, тѣмъ пакости творите на орѣмена мѣсмынаа, ходите скозѣ на, яко скозѣ чѣто другое мажко і скозѣ творимѣ вола вашѣ». Заклинаніе кончается обращеніемъ къ трясавицѣ: удались отъ раба Божія «і не пѣи памяти на немъ, не въспомни его, не бѣди по семь имени твоего въ немъ, ни тебѣ самоѣ въ немъ, ни твоихъ».

Второй заговоръ: *Мѡ нѣ трѣмѡ всѣмъ*.

Третій: *Мѡ нѣ трѣсомѡ въ нѡ*. Инс. «Запрѣщаетъ ти гѣ і изгонитъ тѣ, трѣсавице, крадѣщи: отап сплѣ его, тѣможъ задѣжши сѣ ѿко и татѣ»; далѣе къ ней обращаются: «оукорененѣаа ѿзе»; пусть выйдетъ изъ раба сего, покаяніе котораго прінялъ Господь, какъ и покаяніе Петрово. Эпическій элементъ заговора обнимаетъ: предательство Іуды, Христа у Каяфы, отреченіе и — покаяніе Петра.

Четвертый заговоръ: *Мѡ нѣ трѣсомѡ за оутра*. Инс. «Изгонитъ тѣ гѣ, трѣсавице ютрынѣ, послѣдынѣ ѿзе».

Пятый: *Мѡ нѣ трѣсомѡ въ ѣ часѣ*.

Шестой: *Мѡ нѣ трѣсомѡ пладыне*. Заклинается трясавица «полоуденѣаа» (= Пладница Симеона) именемъ Господа, распятаго на Крестѣ: какъ разбойникъ убоялся его, сотникъ и всѣ съ нимъ сущіе ужаснулись, такъ и ты, «трѣсавице, наче въ сѣхъ оубои сѣ гѣ і възтреници і избѣгни ісего раба гѣмъ».

Соотношенія заклинанія къ эпическому элементу формулы достаточно выясняются изъ нашихъ указаній къ № 3 и 6. Я нарочно выбралъ эти примѣры въ виду подобныхъ же сочетаній, представляемыхъ слѣдующимъ русскимъ заговоромъ ¹⁾: «Во святую Великую Пятницу, егда распяли Иудове Господа нашего Ісуса Христа, онъ-же, на крестѣ вися, дрожалъ,

¹⁾ Л. Майковъ, Великорусскія Заклинанія, № 108.

Исидове же, окрестъ стоя, смѣяхуся и глаголюще: «О чемъ, Исусъ, дрожишь?» Исусъ же: Азъ, рече, въ себѣ не дрожу немощи ради студеныя, но страсти ради великія». И наки Исусъ самъ о себѣ моляшеся, ко Отцу рече: «Отче, молю ти ся, да спъ всѣмъ, страсть мою помпнающимъ, молитву сію посящ(мъ) при собѣ отъ всѣхъ трясавицъ избавление). Исусъ рече: «Заклинаю вы, трясавицы, иже семь сестръ дневныя и три дневныя (sic) и т. д. Бѣжите вы, трясцы, отъ того раба Божіа крестьянска евангеліе въ новое мѣ.... Предъ враты галилейскими лежа Петръ, полонъ трясцъ, о милости Божіей размышляюще, и прииде къ нему Исусъ и рече ему: Отче(го), Петре, лежишь? — Петръ же отвѣща: Господи, полонъ есмь трясцъ. — И рече ему: Здравъ будещи. — Вставъ же Петръ и здравъ бысть отъ трясцъ» и т. д.

Заговоры Спайскаго эвхологія указываютъ на древность раздѣльныхъ представлений о трясавицахъ и ихъ родѣ, бѣсоподобныхъ женахъ, съ особымъ назначеніемъ каждой: утренняя, полудница. Когда многоименный бѣсъ Спешіевой легенды или молитвы раздробился на нѣсколько лицъ, ничто не мѣшало перенести на нихъ понятіе этихъ трясавицъ, а въ дальнѣйшемъ актѣ сплоченія отождествить послѣднихъ съ «дочерьми Ирода».

II.

Къ «Евангелистой пѣснѣ» или тому, что Hasdeu называетъ «*Povestea Numecilor*», собрано или указано недавно нѣсколько новыхъ матеріаловъ, которые ни г. Hasdeu, ни я не имѣли или не могли имѣть въ виду. О русскихъ редакціяхъ писать Петровъ, О влияніи западно-европейской литературы на древнерусскую, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1872 г., Июнь, стр. 466—70; нѣсколько румынскихъ вариантовъ пѣсни сообщить Гастеръ (l. c. p. 467—471); венеціанскій — Bernoni, *Pregchiere popolari veneziane*, p. 34—39; сицилійскій Cannizzaro (*Pitrè e Salomone Marino, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari* I, 3, стр. 418 слѣд.), абруцскій Finamore (l. c. II, 1, стр. 97—9),

португальскій (пересказы котораго были напечатаны въ разное время Coelho, Consiglieri Pedroso и Leite de Vasconcellos) и два испанскіхъ — Antonio Thomaz Pires (ib., стр. 100—6), наконецъ каталонскій Milá y Fontanals (сл. ib. стр. 142). Варьянты эти не измѣняютъ распредѣленія на группы, предложеннаго мною для текстовъ, бывшихъ мнѣ извѣстными: либо это «иѣсеня», состоящая въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ на тему: что такое одинъ, два, три? и т. п.; либо сказка, съ пріемомъ загадкамъ на такіе-же числовые вопросы. — Взаимныя отношенія этихъ двухъ группъ, представившіяся мнѣ (стр. 81) не достаточно ясными, могутъ быть опредѣлены приблизительно такимъ образомъ. Существовала древняя сказка, въ которой демонъ и человѣкъ препирались числовыми загадками. Типомъ можетъ служить малорусская сказка у Драгоманова (Малор. нар. преданія и рассказы, стр. 56—7), приведенная г. Hasdeu: чертъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ, отчего онъ разбогатеетъ; условіе на три года: чертъ явится тогда и предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить, иначе онъ пропалъ. Въмѣсто бѣдняка берется отвѣчать старикъ, которому онъ далъ пріютъ на послѣднюю ночь. Около полуночи чертъ спрашиваетъ подъ окномъ:

Кто есть в хаті?

Один так як одного нема.

А два?

Вдвох добре молотити.

А три?

Втрох добре в дорогу їхати.

А чотирі?

Чотирі чоловік колісї мав, то свій віз має.

А п'ять?

П'ять чоловік дівок мав, то свої вечерниці мав.

А шість?

Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало.

Разсердился чертъ, сорвалъ крышу съ хаты и былъ таковъ.

Эта сказка могла имѣть извѣстное распространеніе.

Въ сакскомъ вариантѣ чертъ обѣщаетъ юношѣ замокъ и *deux* свиней, если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и при томъ дѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ между прочимъ. Отвѣтъ: *deux* свиней въ закуть! — и дьяволъ обращается въ бѣгство (сл. у меня, стр. 79). Сл. въ бретонскихъ вопросахъ и отвѣтахъ, приводимыхъ Hasdeu (р. 592) ММ 8 и 11, въ соотвѣтствіи съ ММ 2 и 6 малорусской сказки:

(Что есть восемь?) *Huit petits batteurs sur l'aire: battant des pois, battant des pampres; ils battent sur l'aire en se tenant par la main.*

(Что есть одиннадцать?) *Grognant et regrognant onze truies toutes semblables allant à l'accouplement.*

Независимо отъ сказки былъ издавна въ ходу родъ катехического перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: Что есть одинъ? Одинъ Богъ и т. д. Пѣсни такого содержанія поются о святкахъ въ Румыніи, Польшѣ и у Галицкихъ Руссиновъ, о Пасхѣ у Евреевъ; у французовъ въ Канадѣ пѣніе сопровождается пляскою духовнаго характера.

Такого рода пѣсенные Вопросы и Отвѣты были включены въ сказку о Преніи числовыми загадками, занявъ ихъ мѣсто. Получилось такимъ образомъ смѣшенная форма, образцемъ которой могутъ служить: кавказская сказка (сл. у меня стр. 432), гдѣ катехическіе вопросы и отвѣты приняли мусульманскій оттѣнокъ, и слѣдующая, записанная въ Сиддліи.

Староста церкви св. Николы, человекъ набожный, сѣтуетъ, что у него нѣтъ денегъ справить, какъ слѣдуетъ, праздникъ Святаго. Не зная, что начать, онъ идетъ бродить и на горѣ встрѣчаетъ господина — то былъ дьяволъ —, который, разспросивъ его о причинѣ его грусти, предлагаетъ ему денегъ — съ пустяшнымъ условіемъ: сказать ему *douze* истинъ (*dudici*

palori di verità). Св. Никола, подъ видомъ старика нашедшій приютъ у старосты, отвѣчаетъ вмѣсто него дьяволу, явившемуся ночью. Кто стучится? спрашиваетъ Святой? — Дьяволъ: Сколько вась тамъ? (Oh quantu semu?) И кто тебѣ научилъ отвѣчать? — Святой: Хорошій учитель, лучше тебя. — Кто царствуетъ? — Одинъ Богъ во вѣки вѣковъ, Исусъ Назаретянинъ, распятый. — Слѣдующіе отвѣты принадлежать болѣе или менѣе къ типическимъ: Двѣ скрижали Моисея, три Патріарха (Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ), четыре евангелиста, пять ранъ Спасителя, шесть мессъ, имъ отслуженныхъ, семь свѣтильниковъ передъ образомъ Богородицы (*sette torci chi 'ddhumanu in Caluria — Avanzi di la purissima Maria*), восемь спасенныхъ душъ (*ottu armuzzi giusti*), девять ангельскихъ хоровъ, десять заповѣдей Божіихъ, одиннадцать ученій (*articuli*) святой католической церкви, двѣнадцать апостоловъ. —

А что тринадцать?

Юппи, дьяволъ-фараонъ, не съ тринадцатью, не съ двѣнадцатью, а со всеми твоими товарищами.

2006

